

ФИЛИПП ГОЛИКОВ

ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА РАЗВЕДУПРА

ИЮЛЬ 1940 ГОДА — ИЮНЬ 1941 ГОДА

100 лет ГРУ: дела и люди

Филипп Голиков

**Записки начальника Разведупра.
Июль 1940 года – июнь 1941 года**

«Алисторус»

2018

УДК 355/359
ББК 63.3

Голиков Ф. И.

Записки начальника Разведупра. Июль 1940 года – июнь 1941 года
/ Ф. И. Голиков — «Алисторус», 2018 — (100 лет ГРУ: дела и люди)

ISBN 978-5-907024-60-1

В июле 1940 года Сталин назначил начальником советской военной разведки бывшего командующего 6-й армии Филиппа Голикова. В самые критически важные месяцы накануне Великой Отечественной войны этот человек руководил Разведупром Генштаба Красной Армии. Что именно он докладывал руководству СССР о планах Германии? Как он оценивал деятельность своих подчиненных? И какие важные и секретные поручения Вождя выполнял осенью 1941 года? Об этом и многом другом Филипп Голиков рассказал в своих «записках», которые много лет хранились в спецхране.

УДК 355/359

ББК 63.3

ISBN 978-5-907024-60-1

© Голиков Ф. И., 2018

© Алисторус, 2018

Содержание

От составителей	5
Филипп Иванович Голиков: жертва обстоятельств или виновник трагедии 1941 года?	7
Воспоминания	37
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Филипп Голиков

Записки начальника Разведупра.

Июль 1940 года – июнь 1941 года

От составителей

В апреле 1964 г. Маршал Советского Союза Ф. И. Голиков, начальник Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии в 1940–1941 гг., обратился в ЦК КПСС с предложением подготовить к изданию доступную широкому кругу читателей книгу о деятельности советской военной разведки накануне и в годы Великой Отечественной войны. При написании данной книги маршал Голиков собирался использовать не только свои личные воспоминания, но и документы военной разведки, будучи убежден, что это можно сделать, отнюдь не раскрывая того, что не должно быть раскрыто. В то же время бывший начальник Разведывательного управления Генштаба Красной армии хотел, чтобы советские люди узнали о том, чем занималась военная разведка, «что имела и что дала политическому и военному руководству нашей страны перед нападением гитлеровской Германии»¹.

Надеясь дать в книге объективную оценку деятельности советской военной разведки, исключив тем самым многочисленные догадки и домыслы по данному вопросу, маршал Ф. И. Голиков сумел проделать большую подготовительную работу – выявил писательский актив из числа крупных, опытных и знающих военных разведчиков, разработал проект плана книги, наметил состав авторского коллектива. Вместе с тем, для того чтобы практически приступить к подготовке задуманного издания, требовались принципиальное согласие ЦК КПСС и содействие со стороны ГРУ.

Однако, к сожалению, в середине 1960-х гг. инициатива Ф. И. Голикова подготовить на основе архивных материалов книгу о деятельности советской военной разведки не была поддержана руководством КПСС и Министерства обороны СССР. Весной 1965 г. идеологический отдел ЦК КПСС согласился с мнением начальника Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота генерала армии А. А. Епишева о нецелесообразности выпуска каких-либо открытых изданий по истории советской военной разведки на том основании, что данные о ее деятельности «в допустимых для широких кругов читателей содержатся в шестом томе “Истории Великой Отечественной войны”», о чем и было сообщено маршалу Голикову².

В дальнейшем Ф. И. Голиков неоднократно обращался в различные инстанции с просьбами дать разрешение рассказать в открытой печати о результатах работы военной разведки накануне и в годы Великой Отечественной войны, поскольку считал, что в военно-исторической литературе этот вопрос, как правило, старательно обходится, хотя советские разведчики того времени внесли огромный вклад в дело обороны страны. И тем не менее ни одна попытка маршала не увенчалась успехом: при жизни ему удалось опубликовать только две книги мемуаров – о своем участии в Гражданской войне в России и в Московской битве.

Вместе с тем Ф. И. Голиков не оставил намерения поделиться с читателями воспоминаниями о своей деятельности на ответственном посту начальника Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии. Так со временем появилась рукопись мемуаров, хронологически охватывающая период с июля 1940 г. по октябрь 1941 г., когда Ф. И. Голиков

¹ Лота В. И. Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005. С. 16.

² Подробнее об этом см.: Исторический архив. 2008. № 3. С. 95–96.

возглавлял советскую военную разведку. Рукопись не была издана при жизни маршала, но она сохранилась в семейном архиве и теперь, в год 100-летия со дня образования Регистрационного управления Полевого штаба РВСР, выходит в свет под названием «Записки начальника Разведупра. Июль 1940 – июнь 1941 года».

Основу книги составили воспоминания Маршала Советского Союза Ф. И. Голикова о его деятельности накануне и в начале Великой Отечественной войны, а также тематическая подборка архивных документов (в качестве второй, самостоятельной, части издания), включающая в себя документы советской военной разведки за 1940–1941 гг.³ и дневниковые записи начальника Разведывательного управления Генштаба Красной армии генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова о пребывании советской военной миссии в Англии и США в июле – сентябре 1941 г.⁴ Кроме того, в издание включены аналитическая статья кандидата исторических наук О. В. Каримова о работе советской военной разведки под руководством Ф. И. Голикова, приложения, именной комментарий, содержащий краткие биографические сведения о советских разведчиках, список сокращений и иллюстративный материал.

Составители выражают сердечную благодарность и признательность семье маршала Ф. И. Голикова, и в первую очередь его внучке – Вере Олеговне Шелястиной, которая бережно сохранила творческое наследие своего деда и поддержала инициативу подготовки к изданию подобной книги. Слова благодарности составители адресуют также главному специалисту РГВА И. С. Месяц, оказавшей большую помощь в археографической обработке документов.

Книга маршала Ф. И. Голикова, издание которой приурочено к 100-летию создания советской военной разведки, рассчитана на самый широкий круг читателей, и прежде всего на тех, кто интересуется историей нашего Отечества.

³ Во второй части книги публикуются рассекреченные документы из фондов Российского государственного военного архива (РГВА) и Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), при этом даты рассекречивания документов ЦАМО РФ указываются в подстрочных примечаниях.

⁴ Записная книжка Ф. И. Голикова, так же как и рукопись его воспоминаний, сохранилась в семейном архиве.

Филипп Иванович Голиков: жертва обстоятельств или виновник трагедии 1941 года?

Внезапность нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, несмотря на обилие научной и публицистической литературы, всегда привлекала внимание отечественных и зарубежных исследователей, простых читателей. Зачастую это связано с желанием найти главного виновника в трагедии 1941 г. Так уж сложилось, что обычно на эту роль выдвигают трех человек – генерального секретаря ЦК ВКП(б) и председателя Совета народных комиссаров СССР И. В. Сталина, народного комиссара внутренних дел СССР, генерального комиссара государственной безопасности Л. П. Берия и начальника Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова.

Кроме того, ряд зарубежных исследователей, в частности немецкий историк Й. Хоффман, возлагает ответственность на бывшего наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова и его преемника С. К. Тимошенко, а также на начальника Генерального штаба Красной армии Г. К. Жукова. Основным же виновником называется начальник РУ ГШ КА Ф. И. Голиков, «который интерпретировал поступающую разведывательную информацию таким образом, чтобы она соответствовала взглядам Сталина относительно намерений Гитлера, считавшего, что тот до завершения борьбы с Великобританией не рискнет на открытие второго фронта против Советского Союза»⁵. Вместе с тем исследование Й. Хоффмана появилось достаточно давно и, естественно, не учитывало того, что когда-нибудь будет рассекречено огромное количество архивных документов военной разведки, что позволит посмотреть на данную проблему с другого ракурса. К сожалению, лишь немногие историки вступились в защиту бывшего начальника советской военной разведки Ф. И. Голикова. Среди них – доктор исторических наук, профессор В. А. Сахаров; доктор исторических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации В. И. Лота и доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Д. В. Гаврилов⁶.

Первым в нашей стране официальным обвинителем И. В. Сталина в трагедии начала Великой Отечественной войны стал Н. С. Хрущев, выступивший 25 февраля 1956 г. на закрытом заседании делегатов XX съезда КПСС со своим знаменитым докладом «О культе личности и его последствиях». Позволим себе привести обширную цитату из этого выступления: «...Еще 3 апреля 1941 г. Черчилль через английского посла в СССР Криппса сделал личное предупреждение Сталину о том, что германские войска начали совершать передислокацию, подготавливая нападение на Советский Союз. [...] Черчилль настойчиво подчеркивал это и в телеграммах от 18 апреля, и в последующие дни. Однако эти предостережения Сталиным не принимались во внимание. Больше того, от Сталина шли указания не доверять информации подобного рода, с тем чтобы-де не спровоцировать начало военных действий. Следует сказать, что такого рода информация о нависающей угрозе вторжения немецких войск на территорию Советского Союза шла и от наших армейских и дипломатических источников, но в силу сложившегося предвзятого отношения к такого рода информации в руководстве она каждый раз направлялась с опаской и обставлялась оговорками (выделено мной. – О.К.).

Так, например, в донесении из Берлина от 6 мая 1941 г. военно-морской атташе в Берлине капитан 1-го ранга Воронцов доносил: “Советский подданный Бозер... сообщил помощнику нашего морского атташе, что, со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы

⁵ Нацистская Германия против Советского Союза: Планирование войны / Под общ. ред. В. А. Золотарева. М., 2015. С. 34.

⁶ Сахаров В. Крушение мифа (Если бы Сталин поверил Зорге...) // Молодая гвардия. 1991. № 10. С. 232–238; Лота В. И. Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005; Гаврилов Д. В. «Проявил себя как крупный военачальник» // Военно-исторический журнал. 2010. № 10. С. 33–39.

готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Латвию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву и Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах...” В своем донесении от 22 мая 1941 г. помощник военного атташе в Берлине Хлопов докладывал, что “...наступление немецких войск назначено якобы на 15.06, а возможно, начнется и в первых числах июня...” В телеграмме нашего посольства из Лондона от 18 июня 1941 г. докладывалось: “Что касается текущего момента, то Криппс твердо убежден в неизбежности военного столкновения Германии и СССР, – и притом не позже середины июня. По словам Криппса, на сегодня немцы сконцентрировали на советских границах (включая воздушные силы и вспомогательные силы частей) 147 дивизий...”. Несмотря на все эти чрезвычайно важные сигналы, не были приняты достаточные меры, чтобы хорошо подготовить страну к обороне и исключить момент внезапности нападения»⁷.

Другим виновным был объявлен Л. П. Берия. В докладе «О культе личности и его последствиях» его имя напрямую с событиями 1941 г. не связывалось, однако в исторической литературе периода 1950–1960-х гг. это было отражено. Например, таким образом: «В деле поддержания повышенной боевой готовности войск приграничных округов пагубную роль сыграла вражеская деятельность Берия»⁸.

Во время выступления Н. С. Хрущева в зале в качестве делегата XX съезда присутствовал и генерал-полковник Ф. И. Голиков, который, как и все остальные, слышал обвинения в адрес бывшего Верховного Главнокомандующего. Мы никогда не узнаем, что думал Голиков в этот момент, но можем предположить, что обвинения в адрес И. В. Сталина не могли не затронуть бывшего начальника советской военной разведки. Однако в этот раз «буря» пронеслась мимо: его фамилия в докладе не упоминалась.

В мае 1956 г. командующий отдельной механизированной армией генерал-полковник Ф. И. Голиков получил повышение и был назначен начальником Военной академии бронетанковых войск, а через полтора года – начальником Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота. В 1959 г. Ф. И. Голиков получил звание генерала армии, а в 1961 г. стал Маршалом Советского Союза. Все это подтверждает тот факт, что при первом секретаре ЦК КПСС Н. С. Хрущеве никто претензий к Голикову не предъявлял. Вместе с тем, когда в 1962 г. маршал Голиков был переведен в Группу генеральных инспекторов Министерства обороны СССР, он начал постепенно сдавать позиции и отходить на второй план. Окончательно Ф. И. Голиков утратил влияние в 1966 г., когда был выведен из состава ЦК КПСС. Незадолго до этого как раз и появилась новая точка зрения на виновников в тяжелых поражениях Красной армии в начале Великой Отечественной войны.

Стоит немного подробнее рассказать о герое данной статьи.

Филипп Иванович Голиков родился 3 (16) июля (по другим сведениям, 16 (29) июля) 1900 г. в деревне Борисово Зырянской волости Камышловского уезда Пермской губернии (ныне это Зырянский сельсовет Катайского района Курганской области). Отец Филиппа Голикова был военным, затем – сельским фельдшером, мать – крестьянка. Филипп окончил три класса сельской школы в 1911 г. и семь классов уездной гимназии в г. Камышлове Пермской губернии в 1918 г. В апреле 1918 г. вступил в РКП(б), а в мае того же года – в Рабоче-крестьянскую Красную армию. В октябре 1918 г. стал полковым корреспондентом дивизионной, а затем армейской газеты. В январе 1919 г. откомандирован на двухмесячные военно-агитаторские курсы в Петрограде. С марта 1919 г. был агитатором в полковой пулеметной команде 10-го Московского стрелкового полка Особой бригады 3-й армии Восточного фронта. В июле 1919 г. стал секретарем политотдела бригады, а в августе – инструктором-организатором политотдела

⁷ Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 146–147.

⁸ Анфилов В. А. Начало Великой Отечественной войны (22 июня – середина июля 1941 года): Военно-исторический очерк. М., 1962. С. 45.

51-й стрелковой дивизии того же фронта. С сентября 1919 г. – работник Екатеринбургского военного комиссариата, с мая 1921 г. – начальник политотдела 217-й стрелковой бригады, с июня 1922 г. – начальник отделения политотдела Приуральского военного округа, с октября 1923 г. – начальник отдела политуправления Западно-Сибирского военного округа.

Последующие годы выдались такими же беспокойными и щедрыми на перемену мест. Ф. И. Голиков то преподавал в Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева в Ленинграде, то сам учился: в 1929 г. окончил Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава, в 1931 г. сдал экстерном экзамены за военную школу. Помимо этого, занимал ответственные посты начальника агитационно-пропагандистского отдела Ленинградского и Приволжского военных округов.

С ноября 1930 г. – военный комиссар, начальник политотдела и командир 95-го стрелкового полка 32-й стрелковой дивизии. В 1933 г. заочно окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. При этом бывший политработник хорошо характеризовался уже и как строевой командир: «Будучи очень способным командиром с большим кругозором, с пытливым и не допускающим шаблона умом, с твердым и решительным характером, т. Голиков, несмотря на большие трудности, сумел стать грамотным командиром полка и вывести свой полк на первое место в ПриВО»⁹. С октября 1933 г. – командир 61-й стрелковой дивизии Приволжского военного округа. С сентября 1936 г. – командир 8-й отдельной механизированной бригады, а с июля 1937 г. – командир 45-го механизированного корпуса Киевского военного округа. С января 1938 г. – член военного совета Белорусского военного округа.

Будучи членом военного совета БВО, комкор Ф. И. Голиков принимал участие в работе аттестационных комиссий для назначений высшего командного состава округа. В 10-м издании (1990 г.) мемуаров Маршала Советского Союза Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» есть рассказ о том, как прошла беседа Ф. И. Голикова с комдивом Жуковым перед назначением последнего на должность командира 3-го кавалерийского корпуса. В процессе разговора собеседники перешли на повышенные тона в связи с тем, что были затронуты некоторые репрессированные лица, близко знакомые Жукову: комдив Д. Ф. Сердич (расстрелян 28 июля 1938 г.), комкор Е. И. Ковтюх (расстрелян 29 июля 1938 г.), комкор И. С. Кутяков (расстрелян 28 июля 1938 г.), комкор И. Д. Косогов (расстрелян 1 августа 1938 г.), комдив К. К. Рокоссовский (находился под арестом с 17 августа 1937 г. по 22 марта 1940 г.). Г. К. Жуков якобы заявил, что «по-прежнему считает их большими патриотами и честнейшими коммунистами»¹⁰.

Трудно сказать, говорил или не говорил эти слова комдив Жуков – подтвердить это можно, лишь проверив протокольную стенографическую запись, если она сохранилась в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации, в фонде Белорусского военного округа или политических органов. (Возможно, кого-то из исследователей это заинтересует.) Тем не менее, согласно воспоминаниям Г. К. Жукова, назревающий конфликт погасил комкор В. М. Мулин, заявивший, что в донесении комиссара 3-го кавалерийского корпуса Н. А. Юнга, на которое опирался в разговоре Ф. И. Голиков, много необъективного¹¹.

Жуков, конечно, был назначен командиром корпуса, но эту историю не забыл. В 1964 г. он писал Н. С. Хрущеву и А. И. Микояну: «В 1937–1938 гг. меня пытались ошельмовать и приклеить ярлык врага народа. И, как мне было известно, особенно в этом отношении старались бывший член военного совета Белорусского военного округа Ф. И. Голиков (ныне маршал) и начальник ПУ РККА Мехлис, проводивший чистку командно-политического состава Белорусского ВО»¹². Сейчас неважно, заступался ли Жуков за репрессированных военачаль-

⁹ Цит. по: Алексеев М. «Верный вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. 1939–1941 годы. М., 2017. С. 644.

¹⁰ Алексеев М. Указ. соч. С. 645.

¹¹ Там же. С. 645.

¹² Цит. по: Алексеев М. Указ. соч. С. 645.

ников или нет, важно, что если бы Голиков пытался «ошелмовать» Жукова, то легко мог бы использовать его слова в защиту «врагов народа». Однако этого не случилось.

Ф. И. Голиков был не согласен с обвинениями Жукова в свой адрес. Еще в 1944 г. он писал И. В. Сталину об одном из разговоров с будущим маршалом Победы: «Жуков считал и считает меня виновником попытки подвергнуть его партийным и служебным репрессиям. Я немедленно опроверг это мнение, указав, что, наоборот, я занимал обратную как раз позицию и что благодаря моему запрещению его большое партийное дело не было поднято»¹³. На наш взгляд, этим словам можно верить, и вот почему: с момента конфликта, якобы произошедшего в 1938 г., прошло не так много времени, поэтому его материалы должны были еще сохраниться и при любой проверке комиссия легко могла бы их получить и установить истину.

Но и сам Ф. И. Голиков в конце 1930-х гг. находился под угрозой ареста. Со слов его дочери – Нины Филипповны Голиковой – его «постигла участь многих наших выдающихся полководцев – в 1938 г. он был уволен из Красной армии»¹⁴, однако вскоре восстановлен в РККА. С ноября 1938 г. – уже командующий Винницкой армейской группой войск, с сентября 1939 г. – командующий 6-й армией, с которой участвовал в Польском походе РККА.

11 июля 1940 г. генерал-лейтенант Ф. И. Голиков был назначен начальником 5-го Управления Красной армии (но, в отличие от И. И. Проскурова, прежнего начальника управления, заместителем наркома обороны не стал). 26 июля 1940 г. 5-е Управление было переименовано в Разведывательное управление Генштаба. Так Ф. И. Голиков стал начальником Разведуправления – заместителем начальника Генерального штаба Красной армии¹⁵. Генерал Голиков впервые оказался не просто в центральном аппарате Народного комиссариата обороны, а в весьма специфическом его подразделении, служба в котором должна была предусматривать либо наличие специальной подготовки, либо опыт работы в разведке (или в революционном подполье). Ни того, ни другого у Голикова не было. Но это не смутило тех, кто назначил его руководить Разведывательным управлением Генштаба Красной армии, тем более что Ф. И. Голиков сменил И. И. Проскурова, который в октябре 1936 г. – накануне командировки в Испанию – был еще старшим лейтенантом, а в июне 1940 г. уже генерал-лейтенантом авиации¹⁶.

Вот что писал по поводу своего назначения сам Голиков: «Летом 1940-го я был назначен начальником центрального органа военной разведки – Разведывательного управления Наркомата обороны. Произошло это в июле месяце едва ли не в день моего сорокалетия. Полученный из Москвы приказ был столь же категоричным, сколь неожиданным для меня. Я командовал 6-й армией в городе Львове. Оставлять любимое дело не хотелось, тем более менять строевую работу на любую другую я не собирался, а жить в Москве вообще не помышлял. [...] О новом назначении со мной никто не беседовал, но приказ был получен и, вполне понятно, беспрепятственно выполнен».

Заместителями генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова стали генерал-майор танковых войск А. П. Панфилов (в разведку пришел 22 июня 1940 г. с должности помощника начальника Автобронетанкового управления Красной армии) и генерал-майор И. Г. Рубин (в разведку пришел в июле 1940 г. с должности командира 8-го стрелкового корпуса). Заместителем по политической части – начальником отдела политической пропаганды – стал бригадный комиссар

¹³ Там же. С. 645.

¹⁴ Интервью А. Гороховского в газете «ФАКТЫ» (Москва – Киев) от 19 июня 2002 г. См.: <http://fakty.ua/90307-buducshij-marshal-filipp-golikov-vozglavlyavshij-v-nachale-sorokovyh-godov-glavnoe-razvedyvatelnoe-upravlenie-krasnoj-armii-prinimal-rody-u-svoej-zheny-kogda-ona-rozhala-shestogo-rebenka>. Однако материалами личного дела 1960–1970-х гг. это не подтверждается. (Примеч. О.К.)

¹⁵ Каримов О. В., Могильников В. А. «Это были профессионалы с сильной волей, богатым жизненным опытом и неистребимым желанием служить Отечеству» // Военно-исторический журнал. 2003. № 1. С. 58–63.

¹⁶ Из Москвы – в страну «Икс»: Книга памяти советских добровольцев – участников Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг.: В 2 т. / Сост. В. А. Арцыбашев, О. В. Каримов, И. Н. Волощенко. М., 2016. Т. 2. С. 139–140, 355.

И. И. Ильичев (в разведку пришел в мае 1938 г. после окончания Военно-политической академии им. В. И. Ленина).

Напомним, что Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии занималось агентурной разведкой за рубежом и руководило деятельностью разведывательных отделов штабов Киевского, Западного, Прибалтийского особого, Одесского, Ленинградского и других военных округов. Организацией зарубежной агентурной разведки занимались специалисты европейского, балканско-восточного, американского и дальневосточного отделов. Они осуществляли руководство работой более чем сотни зарубежных резидентур РУ ГШ КА, действовавших в 32 странах. Общая численность центрального аппарата советской военной разведки составляла 759 человек. Ее резидентуры действовали в Афганистане, Англии, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Германии, Голландии, Италии, Иране, Ираке, Китае, Корее, Маньчжурии, Польше, Румынии, США, Швеции, Швейцарии, Франции, Чехословакии, Югославии, Японии и ряде других стран¹⁷.

В составе штабов перечисленных выше пяти военных округов на северо-западном, западном и юго-западном направлениях было пять агентурных отделений разведывательных отделов и тридцать приграничных разведывательных пунктов. Их агентурная сеть насчитывала около 850 разведчиков и агентов, действовавших в приграничных с Советским Союзом государствах¹⁸.

Таким образом, на территории некоторых стран находилось по две-три и более резидентур, которые добывали сведения военного, военно-политического, военно-экономического и военно-технического характера, крайне необходимые для укрепления обороноспособности СССР и развития отечественной оборонной и гражданской промышленности.

Однако деятельность органов НКВД по выявлению истинных и мнимых врагов народа отразилась и на военной разведке. Как докладывал генерал-лейтенант авиации И. И. Проскуров, за 1937–1940 гг. работниками внутренних органов было арестовано свыше 200 человек из агентурной сети Разведывательного управления, отчислено из частей центрального подчинения 365 человек. В органы военной разведки пришло свыше 326 новых сотрудников, большинство из которых не имели соответствующей подготовки¹⁹. «...Они были абсолютно не подготовлены решать задачи, поставленные перед разведкой. В Центральном Комитете партии считали, что в разведке, как, впрочем, и повсюду, самое главное – пролетарское происхождение, все остальное может быть легко восполнено. Такие мелочи, как понимание государственной политики, уровень культуры, военная подготовка, знание иностранных языков, значения не имели», – вспоминал генерал-майор в отставке В. А. Никольский²⁰.

Один за другим были репрессированы начальники Разведуправления РККА: армейский комиссар 2-го ранга Я. К. Берзин, комкор С. П. Урицкий, старший майор госбезопасности С. Г. Гендин, комдив А. Г. Орлов. Практически полностью сменился состав заместителей и помощников начальника управления: были репрессированы корпусной комиссар А. Х. Артузов, полковой комиссар А. Л. Абрамов-Миров, старший майор госбезопасности М. К. Александровский, корпусной комиссар Л. Н. Захаров-Мейер, комдив А. М. Никонов и многие другие опытные разведчики.

Из-за репрессий сотрудников советской военной разведки возможности большинства добывающих резидентур РУ ГШ КА по выполнению заданий командования были серьезно ограничены. Это нашло свое отражение в Акте о приеме Народного комиссариата обороны СССР Маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко от Маршала Советского Союза

¹⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 96–97.

¹⁸ Там же. С. 98.

¹⁹ Колпакиди А. И. Энциклопедия военной разведки России. М., 2004. С. 78.

²⁰ Никольский В. Аквариум-2. М., 1999. С. 29.

К. Е. Ворошилова. В этом документе, который датируется 7 мая 1940 г., отмечалось следующее: «Организация разведки является одним из наиболее слабых участков в работе Наркомата обороны. Организованной разведки и систематического поступления данных об иностранных армиях не имеется. Работа Разведуправления не связана с работой Генерального штаба. Наркомат обороны не имеет в лице Разведуправления органа, обеспечивающего Красную армию данными об организации, состоянии, вооружении и подготовке к развертыванию иностранных армий. К моменту принятия Наркомат обороны такими разведывательными данными не располагает. Театры военных действий и их подготовка не изучены»²¹.

Филипп Иванович Голиков после назначения на новую должность заметно активизировал работу по укреплению зарубежных аппаратов советской военной разведки, от которых напрямую зависели количество и качество добываемых разведывательных сведений.

В то же время назначение генерала Голикова вызвало далеко не однозначную реакцию у ряда сотрудников Разведуправления. При этом они не всегда были объективны – здесь, скорее всего, срабатывал корпоративный «дух» и замкнутость разведывательного сообщества. Так, М. И. Полякова, сама относительно недавно пришедшая в разведку (в 1932 г.), но, правда, имевшая за плечами одногодичную нелегальную командировку в Швейцарию (в 1936–1937 гг.), охарактеризовала Ф. И. Голикова следующим образом: «Это был неплохой вояка, но совершенно не понимающий специфики нашей работы. Сталина он очень боялся. Работать стало трудно. Мнение Сталина для начальника разведки значило больше, чем донесения собственной агентуры. Когда Кегель (наш человек в немецком посольстве в Москве) за несколько часов до войны в очередной раз подтвердил точную дату нападения немцев, Голиков собственной рукой написал на этом донесении: “Видимо, дезинформация...”»²².

Насколько М. И. Полякова была права и объективна в своих оценках? Разве она обладала всей полнотой информации, которая проходила через начальника РУ ГШ КА? Нет. Она занималась только своим важным, но достаточно узким участком работы, будучи старшим помощником начальника одного из отделений одного (выделено мной. – *О.К.*) из отделов РУ ГШ КА, отвечавшего за организацию разведки в нескольких европейских странах. Рассуждать в послевоенное время о том, что сделал и что не сделал начальник Разведупра накануне войны, достаточно легко и безопасно...

Любопытно также, что предыдущего начальника Разведуправления М. И. Полякова характеризовала несколько по-иному: «Проскуров – человек еще молодой, прошедший Испанию, не имевший понятия о нашей работе, но умный, способный и серьезно относившийся к делу, старавшийся изучить и освоить его... Проскуров быстро входил в курс дела, становился талантливым руководителем»²³.

По приведенным цитатам видно, что отношение Поляковой к Проскурову гораздо более лояльное, чем к Голикову, хотя уровень военного образования у генерала Голикова был выше и позволял осуществлять руководство Разведывательным управлением, невзирая на его специфику. Другое дело, что Голиков с высоты своего опыта был, вероятно, и гораздо жестче с подчиненными, что могло вызвать естественную неприязнь. Проскуров же подвергся репрессиям, и это также добавило сочувственных ноток в характеристику, данную ему М. И. Поляковой.

Другой бывший сотрудник Разведуправления, в описываемый период подполковник, В. А. Новобранец в 1950–1960-е гг. писал: «Близко соприкасаясь по работе, почти ежедневно бывая на докладе, я изучал нового начальника Разведупра. И у меня сложилось тогда о нем определенное мнение. [...] На лице всегда дежурная улыбка, и не знаешь – то ли потому, что хорошо доложил, то ли потому, что доложил плохо. Я не заметил у него проявлений опреде-

²¹ Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 97.

²² Цит. по: Колпакиди А. И. Указ. соч. С. 78.

²³ Цит. по: Алексеев М. Указ. соч. С. 620.

ленного своего мнения. Давая указания, он говорил: “Сделайте так или можно так...” Уходя, я так и не знал, как же сделать. Если я делал по своей инициативе или по его указанию, но неудачно, он всегда подчеркивал: “Я вам таких указаний не давал” или “Вы неправильно меня поняли”. За такое руководство мы его не уважали. Поступал он так, потому что просто не знал, какие дать указания. Он часто ходил на доклад к Сталину, после чего вызывал меня и ориентировал в том, как думает “хозяин”, и очень боялся, чтобы наша информация не разошлась с мнением Сталина»²⁴. По тексту мемуаров Новобранца хорошо видно, что они достаточно тенденциозны, едки, злы, и их детальному разбору необходимо посвятить отдельную работу²⁵.

К послевоенным воспоминаниям Василия Андреевича Новобранца, впервые опубликованным в 1990 г., можно было бы отнестись как к объективному изложению событий, если бы он сам к моменту прихода Голикова в РУ был опытным разведчиком или аналитиком. Однако в разведку В. А. Новобранец пришел лишь в апреле 1940 г., то есть на три (!) месяца раньше Ф. И. Голикова²⁶. Поменяв несколько военно-учетных специальностей, волею судеб оказавшись в достаточно молодом возрасте на одном курсе Военной академии им. М. В. Фрунзе с будущими Маршалами Советского Союза И. Х. Баграмяном и И. С. Коневым, генералом армии А. С. Жадовым, маршалом бронетанковых войск П. С. Рыбалко, генерал-лейтенантом А. Г. Самохиным и позднее вновь на одном курсе с И. Х. Баграмяном уже в Академии Генерального штаба, В. А. Новобранец после Великой Отечественной войны, очевидно, ощутил себя недооцененным и ущемленным в своем профессиональном росте. Отсюда, скорее всего, и критика практически всех и вся.

Объективный читатель обратит внимание, что в мемуарах Новобранца почти все его начальники, за редким исключением (с ними подполковник был, как говорится, «на дружеской ноге» или на «ты»), были сплошь недоумками, которые не прислушивались к его «компетентному» мнению. Вот и Ф. И. Голиков попал в число таких «недальновидных» начальников. В особенности ему досталось за пресловутую разведывательную сводку № 8 (декабрь 1940 г.), посвященную подготовке Германии к войне.

К этому мы вернемся чуть позже, а сейчас отметим: с учетом того, что с середины 1930-х гг. Германия воспринималась как основной противник Советского Союза на Западе, добытию сведений о ней и ее вооруженных силах уделялось огромное внимание.

Еще летом 1937 г. военный атташе при полпредстве СССР в Германии комбриг А. Г. Орлов предупреждал, что пока позиция немецкого генерального штаба²⁷ является для Гитлера сдерживающим фактором, но в будущем эта позиция может измениться, поскольку «полная готовность армии предполагается к осени 1938 г., а всего плана подготовки страны к войне – к 1940 г. В дальнейшем следует ожидать с началом войны активной обороны на Западе и основного удара на Восток, главным образом в юго-восточном направлении и по прибалтам»²⁸. Однако к моменту прихода Ф. И. Голикова в разведку бывший советский военный атташе в Германии, а позднее исполняющий обязанности начальника РУ РККА комдив А. Г. Орлов уже полгода как был расстрелян.

В условиях начавшейся Второй мировой войны основной задачей Разведуправления Генштаба Красной армии являлось добывание упреждающих сведений об угрозах, которые могли

²⁴ Новобранец В. А. «Я предупреждал о войне Сталина»: Записки военного разведчика. М., 2009. С. 72–73.

²⁵ В конце апреля – начале мая 2009 г. большую статью под названием «Кто вы, полковник Новобранец?» с критикой данных мемуаров опубликовал в четырех номерах газеты «Красная Звезда» некто В. Булатов. В той же газете в июне – июле того же года ему оппонировал сын В. А. Новобранца – А. В. Новобранец – в статье «Сын за отца». (Примеч. О.К.)

²⁶ В Разведуправлении В. А. Новобранец был заместителем начальника информационного отдела по Востоку (с августа 1940 г.), и.о. начальника того же отдела (с ноября 1940 г.). В мае 1941 г. Новобранца назначили начальником РО штаба 6-й армии. (Примеч. О.К.)

²⁷ А. Г. Орлов имел в виду генеральный штаб сухопутных войск. (Примеч. О.К.)

²⁸ Владимиров О. В. «Принадлежал к числу тех патриотов, о которых остаются лишь краткие биографические сведения в справочной литературе» // Военно-исторический журнал. 2004. № 9. С. 17.

исходить от Германии и ее союзников. За период с 1 июня 1940 г. по 22 июня 1941 г. в РУ ГШ КА от руководителей зарубежных резидентур советской военной разведки поступило около 270 донесений, в которых было отражено нарастание угрозы войны со стороны гитлеровской Германии. Из этих 270 донесений 129 были доложены высшему политическому и военному руководству страны²⁹. В указанный период Разведывательным управлением как раз и руководил генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, который, по мнению М. И. Поляковой и В. А. Новобранца, докладывал И. В. Сталину лишь то, что тому хотелось услышать.

Кроме того, именно Голиков обратил внимание руководства Наркомата обороны на то, что не разведка виновата в ряде прошлых неудач Красной армии, а отсутствие интереса у командного состава к документам разведки. В одной из докладных записок начальник Разведупра отмечал: «Командно-начальствующий состав в своей практической работе не использует информационный материал по опыту современных войн и недостаточно изучает организацию, тактику и технику иностранных армий. Изучение опыта войн будет тем более плодотворным, когда командно-начальствующий состав ЦУ НКО будет изучать справочно-информационную литературу, издаваемую Разведупром (Разведсводки по Западу и Востоку, справочники по иностранным армиям)»³⁰. За подобный демарш в июле 1940 г. был переведен на другое место службы начальник 5-го Управления Красной армии – заместитель наркома обороны СССР генерал-лейтенант авиации И. И. Проскуров. Справедливость требует сказать, что Ф. И. Голиков проинформировал не наркома обороны или начальника Генерального штаба напрямую, а начальника Управления делами НКО СССР, который отвечал за доведение до органов военного управления приказов, директив и других документов.

Начальник РУ ГШ КА направлял высшему политическому руководству страны специальные сообщения (далее – спецсообщения) по конкретным военным и военно-политическим вопросам, донесения отдельных резидентов (доклады или шифртелеграммы), разведывательные сводки и сводки по военно-технической информации. Как установил доктор исторических наук В. И. Лота, информационные сообщения советской военной разведки направлялись по двум спискам. В 1940 г. в первый список входили: И. В. Сталин, В. М. Молотов (председатель СНК СССР и нарком иностранных дел СССР), Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко (нарком обороны СССР) и генерал армии К. А. Мерецков (начальник Генерального штаба Красной армии). С февраля по июль 1941 г. вместо Мерецкова в первый список был включен новый начальник Генштаба генерал армии Г. К. Жуков. Во второй (расширенный) список входили: И. В. Сталин, В. М. Молотов, Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов (заместитель председателя СНК СССР и председатель Комитета обороны при СНК СССР), С. К. Тимошенко, генеральный комиссар государственной безопасности Л. П. Берия (нарком внутренних дел СССР), адмирал Н. Г. Кузнецов (нарком ВМФ СССР), А. С. Щербаков (первый секретарь Московского обкома и горкома ВКП(б)), А. А. Жданов (первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б)), Г. К. Жуков. Иногда во второй список включались Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников (с августа 1940 г. заместитель наркома обороны СССР) и Маршал Советского Союза С. М. Буденный (первый заместитель наркома обороны СССР).

Однако, по нашему мнению, такое однозначное разделение военного и политического руководства СССР на два списка неверно. Списков должно быть больше, поскольку в расчете рассылки документов можно увидеть фамилии таких государственных и военных деятелей, как А. И. Микоян (заместитель председателя СНК СССР), Маршал Советского Союза Г. И. Кулик (заместитель наркома обороны СССР), армейский комиссар 1-го ранга Л. З. Мехлис (заме-

²⁹ Подсчитано доктором исторических наук В. И. Лотой. См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 98.

³⁰ Подробнее см. документ № 8 во второй части данной книги.

стителю наркома обороны СССР и начальнику Главного политического управления Красной армии, а с сентября 1940 г. – заместителю председателя СНК СССР), армейский комиссар 1-го ранга Е. А. Щаденко (член Главного военного совета Красной армии), генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин (начальник Оперативного управления Генштаба Красной армии), генерал-лейтенант И. В. Смородинов (заместитель начальника Генштаба Красной армии), генерал-лейтенант авиации Я. В. Смушкевич (генерал-инспектор ВВС Красной армии), генерал-лейтенант авиации П. В. Рычагов (начальник Главного управления ВВС Красной армии, а в феврале – апреле 1941 г. еще и заместитель наркома обороны СССР по авиации), армейский комиссар 2-го ранга А. И. Запорожец (начальник Главного управления политической пропаганды Красной армии), генерал-лейтенант авиации П. Ф. Жигарев (первый заместитель, а с апреля 1941 г. – начальник Главного управления ВВС Красной армии) и др.

В фундаментальной 12-томной «Истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», вышедшей в свет в 2012–2015 гг., приведено условное разделение документов, раскрывавших подготовку Германии к нападению на Советский Союз, на три группы. К первой группе отнесены донесения о предварительной подготовке Германии к войне (июнь – декабрь 1940 г.), в которых содержалась информация об укреплении блока профашистских государств, принятии Гитлером решения о войне против СССР, перебросках германских войск с Запада на Восток, ограничении советско-германских торгово-экономических связей.

Во второй половине 1940 г. зарубежные резидентуры в Берлине, Будапеште, Бухаресте, Варшаве, Женеве, Софии и Токио более 25 раз сообщали в Центр о том, что военно-политическое руководство Германии изменило отношение к СССР. На основе донесений резидентов, поступивших в РУ ГШ КА, было подготовлено пять специальных сообщений и восемь разведывательных сводок³¹. Однако количество спецсообщений в 6-м томе «Истории Великой Отечественной войны» указано неточно: только за период с 28 сентября по 30 декабря 1940 г. их насчитывается не менее 10 (спецсообщения от 28 сентября, 18 и 30 октября, два – от 4 ноября, 5, 9 и 22 ноября, 10, 14 и 30 декабря 1940 г.)³².

В Разведуправление Генштаба Красной армии с различной степенью регулярности поступала информация от таких сотрудников разведки и агентов, как Курт и Маргарита Велкиш (псевдонимы «АБЦ» и «ЛЦЛ»), И. Венцель («Герман»), капитан К. Л. Ефремов («Паскаль»), Р. Зорге («Рамзай»), Г. Кегель («ХВЦ»), У. Кучински («Соня»), полковник Н. Г. Ляхтеров («Марс»), Ш. Радо («Дора»), полковник Н. Д. Скорняков («Метеор»), Л. Треппер («Отто»), генерал-майор В. И. Тупиков («Арнольд»), Р. фон Шелиа («Ариец»), И. Штебе («Альта»), а также от других разведчиков, действовавших в Англии, Бельгии, Болгарии, Румынии, Франции, Швеции и Японии.

Сообщения о нарастании угрозы войны со стороны фашистской Германии и ее потенциальных союзников подвергались тщательному анализу для выявления дезинформационных материалов. В частности, этой работой занимался и подполковник В. А. Новобранец. Вот что по этому поводу он написал в своих мемуарах: «...Поступающая информация из-за рубежа накапливалась на определенных направлениях. Ее нужно было критически оценить, сопоставить с имеющимися данными, отсеять недостоверные факты и вскрыть возможную дезинформацию (“дезу”). [...] Мне пришлось начать работу с “азов”. Целыми днями до позднего вечера просиживал я в управлении, присматривался к людям и изучал технику работы. [...] Они (товарищи по работе. – О.К.) хорошо знали свое дело, но, как это часто случается, у них установились некие шаблоны и традиции, мешавшие гибкости информационной работы. Я, будучи свежим человеком, довольно быстро отметил некоторые недостатки этой работы. Все сведения находились в распыленном состоянии по отдельным вопросам. Не было сводных документов,

³¹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 98–99.

³² См. документы № 11, 16, 18, 20–23, 26–29 во второй части данной книги.

отвечающих, например, на такие вопросы: сколько дивизий может выставить против нас та или иная страна, как они могут быть вооружены, в какой группировке и на каких направлениях развернуты»³³.

Лишь после глубокого анализа добытого материала и на его основе сотрудники информационного отдела РУ готовили соответствующие разведывательные сводки и спецсообщения. Так, 29 августа 1940 г. было подготовлено специальное сообщение «Состав и группировка немецких войск в Восточной Пруссии и на территории Польши на 25 августа 1940 г.»³⁴. В нем отмечалось, что «всего свыше 70 дивизий, то есть 1/3 сухопутных войск германской армии, сосредоточено на Востоке против СССР, из них до 50 дивизий, все танковые и моторизованные дивизии расположены в приграничной с СССР полосе в плотной группировке»³⁵.

Добытые зарубежными резидентурами разведывательные сведения направлялись в Генеральный штаб и использовались для оценки сил вероятных противников СССР на Западе и Востоке. Так, 18 сентября 1940 г. нарком обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко и начальник Генштаба генерал армии К. А. Мерецков представили И. В. Сталину и В. М. Молотову докладную записку «Об основах развертывания Вооруженных сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940 и 1941 гг.». В ней указывалось, что основным, наиболее сильным противником СССР является Германия, имеющая развернутыми до 205–226 пехотных дивизий (в том числе до 8 моторизованных), 15–17 танковых дивизий, а всего – до 243 дивизий, 10 000 танков и от 14 200 до 15 000 самолетов.

Ход военных действий в Западной Европе позволял Германии перебросить большую часть сил к границам СССР. Сообщалось, что всего против СССР Германия может развернуть 173 пехотные дивизии, 10 000 танков и 13 000 самолетов; Румыния – 30 пехотных дивизий, 250 танков, 1100 самолетов; Венгрия – 15 пехотных дивизий, 300 танков, 600 самолетов; Финляндия – 15 пехотных дивизий, 400 самолетов. Всего: 233 пехотные дивизии, 10 550 танков, 15 100 самолетов³⁶.

Вместе с тем в докладной записке от 18 сентября 1940 г. отмечалось, что Генеральный штаб Красной армии не располагал к этому времени документальными данными, отражающими оперативные планы вероятных противников как на Западе, так и на Востоке. Это был серьезный недостаток, явившийся следствием репрессий.

Позднее в деле добывания важных сведений о гитлеровских планах в отношении СССР наиболее существенных успехов достигла И. Штебе. Так, 29 сентября 1940 г. ее информация со ссылкой на источник «Ариец» (Р. фон Шелиа) поступила в Центр: «Гитлер намерен весной разрешить все вопросы на Востоке военными действиями»³⁷.

2 октября 1940 г. генерал-лейтенант Ф. И. Голиков подписал очередную разведывательную сводку «О переброске германских войск на Восток, их составе и группировке в Восточной Пруссии и на территории бывшей Польши на 25 сентября 1940 г.» и направил ее И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. П. Берия, Н. Г. Кузнецову, Н. Ф. Ватутину и Т. Ф. Корнееву. Сводка явилась логическим продолжением спецсообщения от 29 августа 1940 г. и показывала динамику роста численности немецких войск на приграничной с СССР территории: «На 25 сентября в Восточной Пруссии и на территории бывшей Польши установлено – 70 пех[отных] дивизий, 5 моторизованных дивизий, 7–8 танковых дивизий и 19 кав[алерийских]

³³ Новобранец В. Указ. соч. С. 63.

³⁴ В данной книге не публикуется. (Примеч. О.К.)

³⁵ Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 99.

³⁶ 1941 год: Документы: В 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 237–238.

³⁷ Там же. С. 274.

полков, что в сравнении с августом дает увеличение на 8 пех[отных] дивизий, 2 моторизованные дивизии (выделено мной. – *О.К.*)»³⁸.

11 октября 1940 г. генерал-лейтенант Ф. И. Голиков был впервые принят И. В. Сталиным для доклада. Встреча происходила с глазу на глаз и длилась 40 минут – с 21:45 до 22:25³⁹. К сожалению, сейчас невозможно сказать, что именно Ф. И. Голиков мог докладывать, почему состоялась эта встреча, что экстраординарного он сообщил советскому лидеру. Можно только предположить, что это был доклад, подготовленный на основе упомянутой выше разведывательной сводки, или доклад, основанный на информации источника в германском посольстве в Москве об экономических отношениях Германии и Советского Союза⁴⁰. Как теперь стало известно, этим источником был Герхард Кегель («ХВЦ»).

После того как Голиков вышел, к Сталину одновременно, в 22:30, зашли: Жданов, Андреев, Маленков, Молотов. С небольшим опозданием – Микоян, Булганин, Вознесенский. Позднее, в 23:05, прибыл Берия. Все перечисленные вышли от Сталина в 00:50. Сеем предположить, что первые полчаса в кабинете советского лидера обсуждалась информация, полученная по линии военной разведки, а после этого был заслушан доклад наркома внутренних дел, подготовленный на основе сведений, добытых внешней разведкой.

Где же здесь боязнь Сталина, которая якобы была присуща Голикову?

Тем не менее В. А. Новобранец в своих мемуарах продолжает утверждать: «О положении дел на наших границах я регулярно докладывал генералу Голикову. Он внимательно меня выслушивал, но первое время своего мнения не высказывал. Я объяснял это тем, что он в разведке человек новый (пишет более «опытный» разведчик. – *О.К.*) и не успел еще во всем разобраться. Правда, однажды он проявил особый интерес к группировке немецких войск в Румынии. Мы называли ее тогда “группой Бласковица”. Наличие ее в Румынии также красноречиво свидетельствовало о намерениях Германии»⁴¹.

Очевидно, автор мемуаров имел в виду одно из следующих спецсообщений РУ ГШ КА:

– «О перевозках и сосредоточении германских войск на Балканах» от 30 октября 1940 г.;

– «Ход сосредоточения германских войск в Румынии» от 5 ноября 1940 г.;

– «О перебросках немецких войск на Балканы и возможном выступлении Германии против Греции» от 9 ноября 1940 г.;

– «О новых перегруппировках немецких войск на Балканах» от 10 декабря 1940 г.⁴²

Все эти спецсообщения были разосланы с разным расчетом рассылки, но Сталин, Молотов, Ворошилов, Тимошенко, Берия, Кузнецов, Кулик, Шапошников, Щаденко, Буденный, Мерецков, Рычагов, Ватутин, Виноградов, Смородинов, Корнеев и Запорожец свои экземпляры получили, что опровергает, таким образом, обвинения В. А. Новобранца.

Осенью 1940 г. советская военная разведка установила и доложила, что Германия осуществляет скрытые перевозки своих войск в Чехословакию, Польшу и Восточную Пруссию. При этом «военнослужащие были переодеты в гражданскую одежду, а военные грузы маскировались под сельскохозяйственные»⁴³.

В ноябре 1940 г. генерал-лейтенант Ф. И. Голиков трижды находился на докладе у И. В. Сталина:

³⁸ Подробнее см. документ № 12 во второй части данной книги.

³⁹ 1941 год: Документы: В 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 282.

⁴⁰ Об этом подробнее см. документ № 14 во второй части данной книги.

⁴¹ Новобранец В. Указ соч. С. 80.

⁴² См. документы № 18, 22, 23, 27 во второй части данной книги.

⁴³ Новобранец В. Указ соч. С. 76.

20 ноября – с 23:40 до 00:15 (докладывал вместе с Герасимовым⁴⁴), на этом докладе присутствовал только В. М. Молотов. Там, вероятно, обсуждалось агентурное сообщение о задачах германской делегации на хозяйственных переговорах между СССР и Германией⁴⁵.

22 ноября – с 19:45 до 20:45, на этом докладе присутствовали Молотов, Ворошилов, Тимошенко, Микоян, Берия, Мерецков и Серкин.

25 ноября – совместно с Тимошенко и Мерецковым с 19:30 до 20:35⁴⁶.

Во время двух последних посещений, вероятно, обсуждались переброски немецких войск на Балканы и в Румынию для возможного вторжения в Грецию, а также сосредоточение на границе с Грецией болгарских войск⁴⁷.

По подсчетам В. И. Лоты, подготовленные в течение 1940 г. восемь разведывательных сводок по Западу содержали в общей сложности 186 статей, освещавших положение в европейских странах. Из них государствам гитлеровского блока было посвящено 125 статей: Германии – 56; Италии – 22; Румынии – 16; Финляндии – 18; Венгрии, Словакии и Болгарии – 13. Из 56 статей по Германии: 12 освещали боевой состав германских войск, их группировку и численность; 3 – боевые действия немецких войск в Европе; 2 – военно-стратегические планы Германии; 2 – мобилизационные мероприятия; 4 – инженерную подготовку театра военных действий и строительство укрепрайонов, 12 – состояние военно-воздушных сил; 1 – состояние военно-морских сил; 6 – экономику Германии; 1 – политическую пропаганду в немецких войсках; 3 – боевую подготовку войск; 2 – военную технику вермахта; 1 – положение в оккупированных странах⁴⁸ и 7 – по другим вопросам.

Ни одна из упомянутых выше сводок не получила такой известности, как разведсводка № 8. Это произошло благодаря мемуарам В. А. Новобранца, в которых их автор описывает себя борцом с «лакированием действительности», а Голикова – перестраховщиком, боящимся собственной тени. Ранее мы уже давали характеристику воспоминаниям Новобранца, поэтому к приведенным ниже цитатам необходимо отнести с определенной долей скепсиса.

В своих мемуарах В. А. Новобранец, в частности, описал ситуацию, когда он в ноябре-декабре 1940 г. подготовил некую «мобзаписку», в которой «для молниеносной войны мы определяли количество дивизий (противника. – *О.К.*) около 220, для длительной – 230. И приложили карту-схему, на которой были показаны существующие группировки немецких войск на наших границах и возможные варианты направления их действий. [...] Начальник Разведупра долго с видимым интересом рассматривал схему. Наши мнения с ним во многом разошлись. Он считал, что на первом этапе войны главный удар будет нанесен по Украине в направлении Киева, а на схеме главный удар показан, исходя из группировки, – на Москву. Просмотрев “записку” и схему, Голиков сказал: “Ваши соображения верны, но это только ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ! (выделено в тексте мемуаров. – *О.К.*). Реально этих группировок нет”. [...] Генерал молча взял мою “мобзаписку”, положил в сейф и сказал: “Можете идти, вы свободны”. Много позже, уже после войны, мне стало известно, что эта “мобзаписка” пролежала у него без движения до самого начала войны. [...]”⁴⁹ После этого между мною, вернее, между информотделом и генералом Голиковым установились весьма странные отношения. На каж-

⁴⁴ Очевидно, с полковником А. В. Герасимовым, бывшим помощником советского военного атташе в Германии (декабрь 1934 – июль 1940), с июля 1940 г. – начальником отдела внешних сношений РУ Генштаба Красной армии. (Примеч. *О.К.*)

⁴⁵ См. документ № 19 во второй части данной книги. На документе имеется помета И. В. Сталина: «Мой архив». (Примеч. *О.К.*)

⁴⁶ 1941 год: Документы: В 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 331.

⁴⁷ См. документы № 23–26 во второй части данной книги.

⁴⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 101.

⁴⁹ Откуда В. А. Новобранец мог узнать об этом? Кто из бывших сотрудников информационного отдела, допустим вскрывавших сейф Ф. И. Голикова после отъезда последнего в Лондон, сообщил бы об этом офицеру, по-бывавшему в немецком плену, пусть и прошедшему проверку? На наш взгляд, это голословные утверждения, имеющие целью усилить эффект обвинений в адрес Ф. И. Голикова. (Примеч. *О.К.*)

дом докладе генерал “срезал” у меня по несколько дивизий, снимая их с учета, как пешки с шахматной доски. Никакие мои возражения на него не действовали. Мне стало неприятно ходить к нему на доклад. Для докладов я стал посылать начальника немецкого отделения полковника Гусева. Они старые сослуживцы, и я полагал, что Гусеву удастся убедить Голикова в реальности немецких дивизий, в реальности непрерывно нарастающей угрозы»⁵⁰.

Однако дивизии были «срезаны» и у Гусева. Это очень не понравилось подполковнику Новобранцу, и он с возмущением пришел к генералу Голикову выразить свое недовольство. «Я не согласен с вашей практикой “срезать” количество дивизий, которые мы указываем. Уже подошло время выпускать очередную сводку по Германии, а я не могу ее выпускать в искаженном виде», – заявил В. А. Новобранец⁵¹. На эту тираду Ф. И. Голиков, достав из сейфа лист бумаги, ответил: «Вот действительное положение на наших границах. Здесь показано 35–40 дивизий, а у вас сто десять. [...] Это дал нам югославский атташе полковник Путник. Эти же данные подтвердил и наш агент из немецкого посольства в Москве (очевидно, Г. Кегель. – О.К.). Этим же данным верит и наш “хозяин” [...]. Поэтому не будем спорить, выпускайте сводку по этим данным»⁵².

В свою очередь, Новобранец заявил Голикову, что без проверки этих данных не может выпускать разведывательную сводку, и попросил схему для внимательного изучения в отделе. Как пишет далее Новобранец, при изучении схемы Путника «для всех нас стало ясно, что перед нами обыкновенная немецкая “деза”. [...] Не знаю, был ли полковник Путник немецким агентом, но совершенно очевидно, что он подсунил нам немецкую дезинформацию. Мы подозревали, что наш агент из немецкого посольства тоже явный дезинформатор»⁵³. По мнению подполковника, сначала дезинформация попадала в агентурную сеть НКВД, затем через наркома внутренних дел Берия докладывалась Сталину, а оттуда уже навязывалась Разведывательному управлению Генштаба⁵⁴.

Как пишет далее В. А. Новобранец, «подходило время выпускать сводку по Германии, а у нас еще продолжались долгие и мучительные дискуссии о том, сколько же немецких дивизий на наших границах и куда Гитлер нацеливает удар – на Англию или СССР?»⁵⁵. Согласно утверждениям автора, он не мог отправить в войска и органы военного управления неверные данные и решил отправить сводку без ведома начальника Разведупра, т. е. нелегально отпечатать тираж и начать рассылку сводки в войска. Лишь потом с сигнальным экземпляром Новобранец прибыл к генерал-лейтенанту Ф. И. Голикову для утверждения сводки. Вот как это описано в мемуарах:

«Я стою молча и внимательно изучаю его лицо. Сначала увидел на нем удивление, потом недоумение и, наконец... грозу! [...]

– Вы что-о? Вы хотите спровоцировать нас на войну с Германией? [...] Я не утверждаю эту сводку! Запрещаю ее рассылать в войска! Приказываю уничтожить весь тираж!

Спокойным ровным голосом говорю:

– Товарищ генерал, это невозможно сделать. Сводка уже в войсках. [...]

– Ка-ак? Вы... вы отправили сводку без моего разрешения?

– Да, товарищ генерал, отправил. Я считаю это дело серьезным, всякое промедление в данном случае – преступление. [...] Я начальник информационного отдела. Я подписываю сводку и отвечаю за нее головой. Положение на западной границе весьма серьезное, и молчать

⁵⁰ Новобранец В. Указ. соч. С. 82–83.

⁵¹ Там же. С. 84.

⁵² Там же. С. 84.

⁵³ Там же. С. 84.

⁵⁴ Новобранец В. Указ. соч. С. 85.

⁵⁵ Там же. С. 89.

об этом нельзя. А так как наши взгляды на положение дел разошлись, прошу вас устроить мне личный доклад начальнику Генштаба. Если же вы это мне не устроите, буду искать другие пути. [...]

– Хорошо, товарищ подполковник, я устрою вам личный доклад начальнику Генерального штаба! – в тоне голоса слышалась скрытая угроза. – Можете идти. Вы свободны»⁵⁶.

Насколько правдива эта история? Нет ничего особенного в том, что исполняющий обязанности начальника информационного отдела подполковник В. А. Новобранец подписал саму сводку (выделено мной. – *О.К.*). Для генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова не составило бы никаких проблем отозвать сводку обратно для уничтожения – такая практика существует для утративших свою актуальность документов. Удостовериться же в том, кто прав, а кто нет, можно лишь в том случае, если удастся найти сопроводительное письмо к данной разведсводке и установить, кто (выделено мной. – *О.К.*) подписал его. Если В. А. Новобранец, то история правдива, если сопроводительное письмо подписал Ф. И. Голиков, то мемуарист лжет. Надеемся, что кто-нибудь из исследователей разберется в этом вопросе.

Как далее вспоминает Новобранец, после разговора с начальником Разведупра он приступил к подготовке очередного спецсообщения в адрес высшего военного и политического руководства с приложением разведсводки № 8, основная мысль которой была такова: «Установлено увеличение германских войск против наших западных границ. Это требует к себе серьезного внимания, так как общее количество германских сил на Востоке во многом превосходит силы, необходимые для охраны границ»⁵⁷.

То, как командование Красной армии учитывало данные разведки и опыт ведения боевых действий в ходе Второй мировой войны, можно увидеть на следующем примере. В декабре 1940 г. в Москве состоялось Совецание руководящего состава Красной армии, а в январе 1941 г. были организованы две оперативно-стратегические игры на картах. Эти мероприятия сыграли важную роль в повышении уровня подготовки высшего командного состава Красной армии в области тактики, оперативного искусства, военной стратегии, наступательных и оборонительных действий всех родов войск. Уже после Великой Отечественной войны о своем участии в Совецании руководящего состава Красной армии маршал Ф. И. Голиков писал так: «На нем (т. е. на совещании. – *О.К.*) мне была предоставлена возможность двукратного выступления. В первом из них, основном, мною от имени ГРУ участники совещания были обстоятельно ознакомлены с тем, как велось немецкое генеральное наступление [...] против объединенных сил Франции, Англии, Бельгии и Голландии в мае 1940 г. в отношении состава и характеристики немецких сил, их сосредоточения, группировки и размаха операции; были приведены точные данные о плотности сил и средств немцев и на всем тысячекилометровом фронте наступления, и на сходящихся направлениях, и в двухсоткилометровой полосе главного удара. При этом было доложено, что “между Намюром и Седаном плотность была доведена от 2,5 до 3 км на пехотную дивизию”, а также что в этой 200-километровой полосе немецко-фашистским главнокомандованием были сосредоточены четыре полевые армии в составе шестидесяти пехотных дивизий и три танковые группы (армии) под командованием Гудериана, Гота, Клейста, а также главные силы авиации»⁵⁸.

А вот что вспоминал о данном совещании Маршал Советского Союза А. И. Еременко: «На рассмотрение этих вопросов было затрачено четыре дня – с 25 по 29 декабря. По первому докладу развернулись весьма острые прения. [...] Было высказано много ценных и правильных соображений, некоторые положения доклада подверглись критике. Так, генерал-полков-

⁵⁶ Там же. С. 93–94.

⁵⁷ Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 101.

⁵⁸ Голиков Ф. И. Советская военная разведка перед гитлеровским нашествием на СССР / Публикаторы В. А. Арцыбашев, А. П. Серебряков // Военно-исторический журнал. 2007. № 12. С. 6–7.

ник Г. М. Штерн [...] критиковал соображения Жукова о сроках ввода в прорыв танковых корпусов и некоторые другие мысли докладчика (Г. К. Жукова. – *О.К.*). [...] Особенно интересным было выступление генерал-лейтенанта Порфирия Логвиновича Романенко, командира 1-го механизированного корпуса. В его выступлении содержались обоснованные критические замечания в адрес докладчика. [...] Он сказал следующее: “Я позволю себе высказать сомнения относительно трактовки тов. Жуковым характера и движущих сил современной наступательной операции. Я считаю, что эта трактовка была бы правильной для периода 1932–1934 гг., ибо она отражает тогдашний уровень военной мысли, основанный на сравнительно слабом насыщении войск техникой. Но с того времени многое изменилось. Опыт, имеющийся на Западе, подвергся анализу в докладе, но выводы из этого, на мой взгляд, сделаны неверные. [...] Решающим фактором в успехе германских операций на Западе явилась механизированная армейская группа Рейхенау. Это подвижное объединение [...] разрезало фронт французской и бельгийской армий (между Намюром и Седаном. – *О.К.*) и в дальнейшем завершало окружение группы армий союзников, действовавших в Бельгии. Оно в конечном итоге и сыграло решающую роль в окончательном разгроме Франции. [...] Немцы, располагая значительно меньшим количеством танков, нежели мы, поняли, что ударная сила в современной войне складывается из механизированных, танковых и авиационных соединений, и собрали все свои танки и мотодивизии в оперативные объединения, массировали их и возложили на них осуществление самостоятельных решающих операций. Они добились, таким образом, серьезных успехов. Я считаю, что необходимо в связи с этим поставить и разрешить вопрос о создании ударной армии в составе трех-четырех механизированных корпусов, двух-трех авиакорпусов, одной-двух авиадесантных дивизий, девяти – двенадцати артполков”. [...]

П. Л. Романенко критиковал Жукова и по ряду других вопросов. [...] Как и предполагал Порфирий Логвинович, оппонентов у него нашлось немало. Против смелого массирования механизированных войск выступил Ф. И. Голиков (выделено мной. – *О.К.*) и др. В действительности предложения генерала Романенко были очень дельны и своевременны, хотя и не во всем бесспорны. [...] Это подтвердилось в ходе Великой Отечественной войны и вынудило нас в трудных условиях создавать подвижные танковые армии. Характерно, что ни Жуков, отказавшийся от заключительного слова, ни нарком обороны маршал С. К. Тимошенко ни слова не сказали о предложении Романенко. Это значило, что те, кто стоял во главе вооруженных сил, не поняли до конца коренных изменений в методах вооруженной борьбы, происходивших в это время»⁵⁹, то есть не учитывали опыт европейской войны.

В конце декабря 1940 г. генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, как и обещал, организовал доклад подполковника В. А. Новобранца начальнику Генерального штаба генералу армии К. А. Мерецкову и заместителю начальника Оперативного управления Генерального штаба генерал-майору А. М. Василевскому. Голиков позвонил Новобранцу около двух часов ночи (благо все в это время еще работали) и сообщил, что подполковника ждет начальник Генерального штаба. Весь доклад занял около часа.

Согласно воспоминаниям В. А. Новобранца, в заключение генерал армии К. А. Мерецков спросил его: «Когда, по вашему мнению, можно ожидать перехода немцев в наступление? «Немцы, – отвечаю, – боятся наших весенних дорог, распутицы. Как только подсохнут дороги, в конце мая – начале июня можно ждать удара»⁶⁰.

«Да, пожалуй, вы правы. – Мерецков и Василевский начали накоротке обмениваться между собой мыслями, прикидывать необходимое время для развертывания армии и приведения страны в боевую готовность. [...]

⁵⁹ Еременко А. И. В начале войны. М., 1965. С. 36–38.

⁶⁰ Новобранец В. Указ. соч. С. 97. (Удивительная прозорливость – еще даже «Альта» не передала свою информацию «Метеору» о подписании плана «Барбаросса», а подполковник Новобранец уже знал сроки начала войны. (Причем. *О.К.*))

– Да, времени у нас в обрез, – сказал Мерецков. – Надо немедленно будить Тимошенко, принимать решения и докладывать Сталину.

– Товарищ генерал! – обрадованный удачным исходом доклада воскликнул я. – Если вы думаете изложить ему этот доклад, то он у него будет через два часа. Я направил ему такой же доклад фельдъегерской связью. В шесть часов утра он его получит, а два часа погоды не сделают и ничего не изменят.

– Ах так! Вы уже направили ему доклад?

– Да, конечно. И не только ему. Доклад и сводки посланы Сталину, Ворошилову, Маленкову, Берия и другим, – начал перечислять⁶¹.

– Значит, к утру все будут знать о положении дел на границе?

– Конечно.

– Очень хорошо! Спасибо! – Мерецков пожал мне руку. – Вы свободны. Идите отдыхайте.

Из Генштаба я не шел, а летел на крыльях. Вот хорошо, думаю, не все такие твердолобые, как Голиков, есть в Генштабе светлые головы. [...] Сегодня утром, думаю, Мерецков и Василевский доложат Тимошенко, а затем Сталину о положении дел на границе. Будет, конечно, созвано экстренное заседание Политбюро и будут приняты важные решения о скрытой мобилизации, о развертывании армии и перестройке промышленности. [...]

Через несколько дней после моего доклада сняли с должности начальника Генштаба Мерецкова⁶². [...] Новый начальник Генштаба повел совершенно отчетливую и твердую линию “мирного сосуществования” с фашистами и дружбы с ними в духе доклада Молотова. Он начал борьбу с “provokatorami” и “panikeraми войны”. Эта борьба коснулась и моего отдела»⁶³.

В начале января 1941 г., когда многие участники Совещания руководящего состава Красной армии разъехались по местам службы, нарком обороны организовал две оперативно-стратегических игры на картах, по окончании которых был проведен их разбор. Для этого все участники игр были вызваны к И. В. Сталину.

Начальник Генерального штаба К. А. Мерецков приступил было к разбору, но Сталин перебил генерала и стал задавать вопросы. Как вспоминал впоследствии сам К. А. Мерецков, «суть их сводилась к оценке разведывательных сведений о германской армии, полученных за последние месяцы в связи с анализом ее операций в Западной и Северной Европе. Однако мои соображения, основанные на данных о своих войсках и сведениях разведки, не произвели впечатления. Тут истекло отпущенное мне время, и разбор был прерван. Слово пытался взять Н. Ф. Ватутин. Но Николаю Федоровичу его не дали. И. В. Сталин обратился к народному комиссару обороны. С. К. Тимошенко меня не поддержал. Более никто из присутствовавших военачальников слова не просил. И. В. Сталин прошелся по кабинету, остановился, помолчал и сказал: “Товарищ Тимошенко просил назначить начальником Генерального штаба товарища Жукова. Давайте согласимся!” Возражений, естественно, не последовало. Доволен был и я. Пять месяцев тому назад И. В. Сталин при назначении моем на тот же пост обещал заменить меня, когда найдет подходящую кандидатуру. И вот он сдержал обещание. Я возвратился на должность заместителя наркома обороны и опять погрузился в вопросы боевой подготовки войск»⁶⁴.

⁶¹ По тексту мемуаров В. А. Новобранца трудно понять, о каком именно спецсообщении он говорит. Дата доклада начальнику Генерального штаба указана расплывчато: почти месяц (если ориентироваться на уход К. А. Мерецкова с должности в середине января 1941 г.). Ни в одном из выявленных декабрьских спецсообщений нет сведений о наличии разведывательной сводки № 8 в качестве приложения, и отсутствуют какие-либо сведения о сроках немецкого нападения. (Примеч. О.К.)

⁶² Если верить мемуарам В. А. Новобранца, это произошло потому, что генерал армии К. А. Мерецков отстаивал точку зрения подполковника из военной разведки. (Примеч. О.К.)

⁶³ Новобранец В. Указ. соч. С. 97–99.

⁶⁴ Мерецков К. А. На службе народу. М., 1984. С. 196.

Обозначив, что приход Г. К. Жукова в Генштаб ознаменовался крутой расправой со всеми «паникерами» и «провокаторами войны», В. А. Новобранец в своих мемуарах утверждает, что он, несмотря на это, продолжал действовать вопреки мнению и указаниям начальника военной разведки и нового начальника Генерального штаба. Например, решил довести в войска для изучения ими боевого опыта официальный отчет о франко-германской войне, предварительно рассекретив, размножив и разослав его⁶⁵.

Вместе с тем, как пишет Новобранец, «расправа коснулась и разведки. Начали вызывать из-за рубежа всех “провинившихся”. Из Берлина вызвали помощника военного атташе по авиации полковника Скорнякова, дали ему основательную “нахлобучку”. Отозвали и другого помощника военного атташе по бронетанковому делу, полковника Бажанова. Тоже дали нахлобучку и демобилизовали. От нервного потрясения Бажанов умер»⁶⁶.

В целом же резидентуры РУ ГШ КА, действовавшие в европейских государствах, продолжали своевременно выявлять переброски германских войск с Западного театра военных действий на Восток и информировать о них Центр. Командование РУ Генштаба Красной армии в лице генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова сразу же докладывало об этом военному и политическому руководству СССР. Это видно по составу второй группы документов советской военной разведки, к которым относятся сообщения, поступившие в период с января по апрель 1941 г. В них отражена непосредственная подготовка Германии к войне против Советского Союза, а именно: деятельность государственных структур, оборудование театра военных действий, создание ударных группировок и стратегических резервов.

Помимо нелегальных резидентур, в получении всех этих данных участвовали и кадровые офицеры: в Берлине – генерал-майор В. И. Тупиков («Арнольд»), полковник Н. Д. Скорняков («Метеор»), капитан Н. М. Зайцев («Бине») и «Кремень»⁶⁷; в Париже – генерал-майор И. А. Суслопаров («Маро») и «Рато»; в Будапеште – полковник Н. Г. Ляхтеров («Марс»); в Бухаресте – полковник Г. М. Еремин («Ещенко»), М. С. Шаров («Корф») и «Дантон»; в Софии – полковник Л. А. Середа («Зевс»), «Боевой» и «Коста»; в Белграде – генерал-майор А. Г. Самохин («Софокл»); в Праге – полковник А. В. Яковлев («Савва»); в Стокгольме – полковник Н. И. Никитушев («Акасто»); в Лондоне – генерал-майор И. А. Складов («Брион»); в Финляндии – полковник И. В. Смирнов («Оствальд»); в Токио – подполковник К. П. Сонин («Илья»). Ценные сведения поступали в Центр и от таких источников, как К. Велкиш («АБЦ»), И. Венцель («Герман»), Ш. Радо («Дора»), Л. Треппер («Отто»)⁶⁸ и многих других.

Важные разведывательные сведения добывались в Берлине. Так, 29 декабря 1940 г. полковник Н. Д. Скорняков телеграммой доложил в РУ ГШ КА: «“Альта” сообщила, что “Ариец” от высокоинформированных кругов узнал о том, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 г. Дано задание о проверке и уточнении этих сведений»⁶⁹. У этой телеграммы имеется достаточно оригинальная рассылка, которая суще-

⁶⁵ Здесь В. А. Новобранец некорректен: для рассекречивания необходимо было приказом начальника РУ ГШ КА создать комиссию, которая, изучив упомянутый отчет, подготовила бы доклад об отсутствии сведений, составляющих государственную (военную) тайну, и утвердила бы у начальника Разведуправления акт о рассекречивании. Иначе представители органов НКВД арестовали бы подполковника Новобранца прямо в кабинете, в лучшем случае обвинив в разглашении военной тайны по халатности. (Примеч. О.К.)

⁶⁶ Новобранец В. Указ. соч. С. 102–103. (Здесь В. А. Новобранец ошибся. Полковник И. Г. Бажанов (1898–1942) был секретарем, а затем помощником военного атташе при посольстве СССР в Германии до июня 1941 г., в сентябре 1941 г. он стал преподавателем Военной академии механизации и моторизации Красной армии им. И. В. Сталина. (См.: Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 / Алексеев М.А., Колпакиди А. И., Кочик В.Я. М., 2012. С. 79). (Примеч. О.К.))

⁶⁷ Имена сотрудников советской военной разведки под псевдонимами «Боевой», «Дантон», «Коста», «Кремень», «Рато» здесь не раскрываются. (Примеч. О.К.)

⁶⁸ Псевдонимы проверены по книгам: Лота В. И. Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005; Лурье В. М., Кочик В. Я. ГРУ. Дела и люди. М.; СПб., 2003. (Примеч. О.К.)

⁶⁹ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 22424. Д. 4. Л. 537. (Рассекречено 28.04.1989)

ственно отличается от рассылки спецсообщений: «экз. № 1 – адрес; № 2 – т. Панфилову; № 3 – т. Дубинину; № 4 – т. Тимошенко; № 5 – т. Мерецкову; № 6–7 – т. Сталину; № 8 – т. Молотову».

На документе сохранилась резолюция Ф. И. Голикова: «НО-1. Потребовать более внятного освещения вопроса; затем приказать проверить. Первое сообщение телеграфом получить от “Метеора” дней через 5 и дать мне. 30.XII. Голиков». Затем чуть выше он дописал: «НО-9. Дать копию наркому и НГШ». Заместитель начальника РУ ГШ КА генерал-майор танковых войск А. П. Панфилов дал указания: «НО-1. 1) Кто это высокоинформированные круги? Надо уточнить. 2) Кому конкретно отдан приказ? А. Панфилов»⁷⁰.

По приведенным выше цитатам видно, что изначально сотрудники шифровального отдела разослали шифртелеграмму только руководству РУ ГШ КА. Голиков же распорядился ознакомить с ней руководство Наркомата обороны, а затем и страны. Тем самым, вопреки утверждениям В. А. Новобранца о «твердолобости» Голикова, начальник Разведупра эту коротенькую телеграмму, приведенную здесь целиком, довел до высших должностных лиц и дал указания на дальнейшее уточнение сведений. Кстати, подписи самого подполковника Новобранца на этом экземпляре документа нет. Но, возможно, она есть на копии генерал-майора Н. И. Дубинина – начальника информационного отдела.

Таким образом, несмотря на то, что директива № 21 о подготовке нападения на СССР (так называемый «план Барбаросса») была подготовлена лишь в девяти экземплярах и предназначалась только для высшего командования вооруженных сил Германии, советская военная разведка уже через 11 дней после подписания Гитлером узнала ее основное содержание.

В следующей телеграмме от 4 января 1941 г. «Метеор» подтвердил информацию «Альты», переданную прошлым сообщением. Он проинформировал, что «подготовка наступления против СССР началась много раньше, но одно время была несколько приостановлена, так как немцы просчитались с сопротивлением Англии. Немцы рассчитывают весной Англию поставить на колени и освободить себе руки на Востоке»⁷¹.

А вот как в своих мемуарах (которые имеют интересную особенность – появление все новых и новых дополнений с каждым новым изданием) работу разведки под руководством Ф. И. Голикова оценивал маршал Г. К. Жуков: «Что мы знали тогда о вооруженных силах Германии, сосредоточенных против Советского Союза? По данным Разведывательного управления Генштаба, возглавлявшегося генералом Ф. И. Голиковым, дополнительные переброски немецких войск в Восточную Пруссию, Польшу и Румынию начались с конца января 1941 г. Разведка считала, что за февраль и март группировка войск противника увеличилась на девять дивизий: против Прибалтийского округа – на три пехотные дивизии; против Западного округа – на две пехотные дивизии и одну танковую; против Киевского округа – на одну пехотную дивизию и три танковых полка. Информация, которая исходила от генерала Ф. И. Голикова, немедленно докладывалась нами И. В. Сталину. Однако я не знаю, что из разведывательных сведений докладывалось И. В. Сталину генералом Ф. И. Голиковым лично, минуя наркома обороны и начальника Генштаба, а такие доклады делались неоднократно. Одно лишь могу сказать: И. В. Сталин знал значительно больше, чем военное руководство. Но даже из того, что докладывалось ему по линии военной разведки, он мог видеть безусловное нарастание угрозы войны, но этого им сделано не было, и он, переоценив свои возможности, шел дальше по ложному пути»⁷².

Естественно, что Г. К. Жуков упоминает только о тех перебросках немецких войск, которые происходили при нем как начальнике Генерального штаба. О том, что в течение всей осени и зимы 1940 г. РУ ГШ КА практически ежемесячно по несколько раз докладывало о сосре-

⁷⁰ Военная разведка России. 200 лет. М., 2012. С. 547.

⁷¹ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 3. Л. 6–7. (Рассекречено 28.04.1989)

⁷² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: В 2 т. М., 2010. Т.1. С. 272.

точении немецких войск на территории Румынии и бывшей Польши⁷³ руководству Наркомата обороны и руководству государства, в том числе и И. В. Сталину, он не упоминает ни слова.

Известный отечественный историк, доктор исторических наук М. И. Мельтюхов, в свою очередь, изучил хранящуюся в РГВА рукопись мемуаров Г. К. Жукова, и оказалось, что в ней вместо приведенного выше написано следующее: «Я не знаю, что давала Сталину разведка, находившаяся не в руках Генштаба, но разведка, которую возглавлял перед войной генерал Голиков Ф. И., не смогла вскрыть мероприятий, которые в глубокой тайне отрабатывались в штабах немецких войск по плану войны. Разведка не сумела проникнуть в тайники, где планировались цели и задачи немецких войск в войне с Советским Союзом. Обо всем этом мы узнали только после войны, читая трофейные документы. [...] Сейчас бытуют разные версии о том, что мы знали о выдвижении войск противника на исходные рубежи и даже конкретно о дне нападения немцев. Эти версии лишены основания и не могут быть подтверждены официально. Военному руководству были известны лишь общие предположительные сведения, которые были известны многим»⁷⁴. При этом не только Жуков, но и Василевский свидетельствовали, что не знали ни о сроках нападения немцев, ни даже о том, может ли состояться это нападение вообще!⁷⁵

31 января 1941 г. Гитлер одобрил секретную директиву Главного командования сухопутных войск (ОКХ) по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск вермахта. В ней отмечалось, что «операция должна быть проведена таким образом, чтобы посредством глубокого вклинения танковых войск была уничтожена вся масса русских войск, находящихся в Западной России. При этом необходимо предотвратить возможность отступления боеспособных русских войск в обширные внутренние районы страны»⁷⁶.

Краткое содержание этой директивы стало известно «Альте», и 28 февраля 1941 г. она доложила: «Сформированы три группы армий, а именно: под командованием маршала Бока, Рундштедта и Риттера фон Лееба. Группа армий “Кенигсберг” должна наступать в направлении Петербург, группа армий “Варшава” – в направлении Москва, группа армий “Позен” – в направлении Киев. Предполагаемая дата начала действий якобы 20 мая. Запланирован, по всей видимости, охватывающий удар в районе Пинска силами 120 немецких дивизий. Подготовительные мероприятия, например, привели к тому, что говорящие по-русски офицеры и унтер-офицеры распределены по штабам. Кроме того, уже строятся бронепоезда с шириной колеи, как в России. [...] [Гитлер] намерен разделить российского колосса на 20–30 различных государств, не заботясь о сохранении всех экономических связей внутри страны, чтобы... вызвать там недовольство на долгие времена»⁷⁷. В конце донесения И. Штебе отметила, что информация получена «Арийцем» от человека из окружения Геринга и подтверждается общением с другими немецкими военными.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский (в 1941 г. заместитель начальника Оперативного управления Генерального штаба) вспоминал, что с получением сведений об активизации в феврале 1941 г. перебросок немецких войск к советским границам «Генштаб в целом и наше Оперативное управление вносили коррективы в разработанный в течение осени и зимы 1940 г. оперативный план сосредоточения и развертывания Вооруженных сил для отражения нападения врага с Запада. План предусматривал, что военные действия начнутся с отражения ударов нападающего врага, что удары эти сразу же разыграются в виде крупных воздушных сражений, с попыток противника обезвредить наши аэродромы, ослабить войсковые, и особенно

⁷³ См. документы № 10, 12, 13, 16, 18, 22, 27, 29, 30 во второй части данной книги.

⁷⁴ Цит. по: Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). М., 2008. С. 242.

⁷⁵ Там же. С. 242.

⁷⁶ Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 102.

⁷⁷ Там же. С. 102.

танковые, группировки, подорвать тыловые войсковые объекты, нанести ущерб железнодорожным станциям и прифронтовым крупным городам. [...] Одновременно ожидалось нападение на наши границы наземных войск с крупными танковыми группировками [...]. К началу вражеского наступления предусматривался выход на территорию приграничных округов войск, подаваемых из глубины СССР. Предполагалось также, что наши войска вступят в войну во всех случаях полностью изготовившимися и в составе предусмотренных планом группировок, что отмотилизование и сосредоточение войск будет произведено заблаговременно»⁷⁸.

С января 1941 г. в Германии находился новый советский военный атташе генерал-майор В. И. Тупиков. К концу марта он подготовил и представил в РУ ГШ КА «Доклад о боевом и численном составе развернутой германской армии и ее группировке по состоянию на 15.03.1941» объемом более 100 страниц с приложением 30 схем организации боевых частей германской армии, общей схемы группировки войск германской армии, схемы группировки военно-воздушных сил Германии, схемы организации немецкого армейского корпуса, сводных таблиц боевого состава артиллерийских частей вермахта и т. д.⁷⁹

В конце апреля 1941 г. Тупиков подготовил для Центра доклад «О группировке германской армии по состоянию на 25.04.1941». В нем советский военный атташе сообщил, что война с Германией для нашей страны – «вопрос сроков, и сроков не столь отдаленных». В подтверждение этого Тупиков сообщил о развернувшейся в Третьем рейхе открытой антисоветской пропагандистской кампании.

Советский военный атташе акцентировал внимание своего руководства на том, что «группировка германской армии с осени 1940 г. неизменно смещается на Восток. Сейчас на Востоке (Восточная Пруссия, Польша, Румыния) – до 118–120 дивизий... качественное состояние вооруженных сил по признакам политико-моральным, обученности и оснащенности сейчас пребывает в зените, и рассчитывать, что оно продержится на этом уровне долгое время, у руководителей рейха нет оснований, так как уже теперь чувствуется, что малейшие осложнения, намекающие на возможную затяжку войны, вызывают острую нервозность среди широких слоев населения»⁸⁰. К докладу генерала Тупикова прилагалась графическая «Схема возможных вариантов действий Германии против СССР», отражавшая несколько возможных направлений главных ударов германских войск в случае начала войны против СССР. В выводной части В. И. Тупиков писал: «1. В германских планах СССР фигурирует как очередной противник. 2. Сроки начала столкновения возможно более короткие и, безусловно, в пределах текущего года»⁸¹.

Следующей по значимости информацией, поступившей в Центр, были сведения, полученные советским военным атташе в Бухаресте (Румыния) полковником Г. М. Ереминым («Ещенко»). Основным его информатором был агент Курт Велкиш («АБЦ»), являвшийся пресс-секретарем германского посольства в столице Румынии. Велкиш имел доступ к закрытым материалам министерства иностранных дел Германии. В период с января по июнь 1941 г. от «АБЦ» были получены несколько обширных сообщений о подготовке Германии к войне против СССР. Несколько донесений от этого источника генерал-лейтенант Ф. И. Голиков направил непосредственно И. В. Сталину.

24 марта 1941 г. полковник Г. М. Еремин проинформировал Москву о том, что «при встрече Антонеску с Герингом в Вене обсуждался вопрос о роли Румынии в предстоящей войне Германии с СССР... Геринг... дал ему ряд указаний по согласованию плана мобилиза-

⁷⁸ Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 2002. С. 105–106.

⁷⁹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 102.

⁸⁰ Там же. С. 103.

⁸¹ Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 103.

ции румынской армии с планом мобилизации германской армии, который является планом войны Германии против СССР... Война должна начаться в мае»⁸².

26 марта 1941 г. «Ещенко» передал информацию о беседе «АБЦ» с советником германского посольства в Бухаресте Гофманом. Последний рассказал, что «имел разговор с государственным министром Михаилом Антонеску». По сведениям Гофмана, глава «национального легионерского правительства» маршал И. Антонеску еще в январе 1941 г. был посвящен Гитлером в план войны Германии против СССР, и на эту же тему состоялся детальный разговор при встрече Антонеску с Герингом в Вене⁸³.

Количество поступавших из всех европейских государств сведений о нарастании угрозы войны с Германией увеличивалось с каждым месяцем. Так, 5 марта 1941 г. Ф. И. Голиков подписал специальное сообщение, в котором говорилось: «В министерствах Берлина... убеждены в предстоящей войне против СССР. Сроком нападения считается 1 мая 1941 г. В последнее время в связи с событиями в Югославии срок начала войны отнесен на 15 июня»⁸⁴.

Более того, советской военной разведкой были отмечены изменения в торговых отношениях между СССР и Германией. В частности, резиденту в Праге полковнику А. В. Яковлеву стало известно, что, «по данным работников министерства торговли Германии, 20 марта отдано секретное распоряжение приостановить выполнение заказов для СССР промышленными предприятиями Протектората. Атташе югославского торгового агентства Церович показывал марки “Украинской Народной Республики”, подготовленные немцами. В Кракове генерал Войцеховский формирует славянский антибольшевистский полк»⁸⁵.

Таким образом, обвинения В. А. Новобранца в адрес начальника Разведуправления генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова в необъективных докладах руководству не подтверждаются фактами и документами. В те годы, когда отставной полковник писал свои мемуары, он, вероятно, и подумать не мог, что разведывательные сводки и спецсообщения РУ ГШ КА когда-то будут рассекречены и их опубликуют. Расчет рассылки этих документов является важнейшим свидетельством правоты Филиппа Ивановича Голикова.

20 марта 1941 г. начальник Разведуправления Генштаба Красной армии подписал доклад «Высказывания (оргмероприятия) и варианты боевых действий германской армии против СССР», который содержал 16 пунктов и 2 вывода⁸⁶. При этом в нескольких пунктах доклада отмечалось, что главной задачей Германии является достижение победы над Англией, и лишь в седьмом пункте говорилось, что «Гитлер намерен весной 1941 г. разрешить вопрос на Востоке». В докладе также указывалось, что подготовка Германии к войне против СССР началась еще до визита В. М. Молотова в Берлин (ноябрь 1940 г.), но была приостановлена, так как «немцы просчитались в своих сроках победы над Англией. Весной немцы рассчитывают поставить Англию на колени, развязав тем самым себе руки на Востоке». В докладе было упомянуто и о том, что «в Берлине говорят о каком-то крупном разногласии между Германией и СССР. В связи с этим в германском посольстве говорят, что после Англии и Франции наступит очередь СССР». Кроме того, в докладе были изложены вероятные варианты военных действий Германии против Советского Союза. Из них только третий заслуживал особого внимания. Фактически он повторял содержание донесения «Альты» от 28 февраля 1941 г. Сообщив имевшиеся в РУ ГШ КА сведения, Ф. И. Голиков в своем докладе пришел к следующим выводам:

«1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против

⁸² Там же. С. 103.

⁸³ Там же. С. 104.

⁸⁴ Там же. С. 104.

⁸⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 104.

⁸⁶ Этот доклад публикуется во второй части данной книги. См. документ № 34.

СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки»⁸⁷.

Именно за первый вывод (о том, что наиболее вероятным сроком начала действий против СССР будет момент после победы Германии над Англией или после заключения между ними мирного договора) Ф. И. Голикову и «достаётся». Данный вывод является отражением дезинформационных мероприятий, проводившихся немцами: германское командование пыталось убедить руководство СССР и Красной армии в том, что главное – это победа над Англией. Второй вывод также заслуживает сожаления. Тем не менее сама текстовая часть доклада содержала немало ценных сведений о возрастании угрозы военной агрессии против СССР.

В 1965 г. историк В. А. Анфилов встретился с Ф. И. Голиковым и попросил его прокомментировать выводы в упомянутом докладе. «По словам Голикова, – вспоминал историк, – он лично был не очень уверен в правильности своих выводов относительно того, что Гитлер не рискнет начать войну против СССР, не покончив с Англией. Но, так как они соответствовали точке зрения Сталина, доложить сомнения побоялся...»⁸⁸. Голиков не считал нужным заверять Анфилова в том, что он, как начальник Разведупра, приложил все усилия для переубеждения Сталина, и не стал сваливать на того всю ответственность.

Доклад от 20 марта 1941 г. был направлен наркому обороны С. К. Тимошенко и начальнику Генерального штаба Г. К. Жукову, а кроме того, доложен в ЦК ВКП(б) и СНК СССР. И как уже после войны признавал сам Ф. И. Голиков, этот доклад содержал выявленные советской военной разведкой варианты «стратегических планов наступления Германии на Советский Союз. В число их (вариантов. – О.К.) входил своим существом и план “Барбаросса”. При этом мы заявили, что из всех сообщаемых вариантов главным считаем именно его»⁸⁹.

Однако в 1990-е гг. тот же В. А. Анфилов писал, что, когда во время беседы с Г. К. Жуковым (в 1965 г.) он показал ему доклад Голикова⁹⁰, маршал заявил, что видит этот документ впервые, так как начальник Разведупра «не подчинялся мне и докладывал непосредственно Сталину, а иногда и Тимошенко. Но об этом документе он, по-видимому, наркома не информировал, потому что тот делился со мной основными сведениями разведки, полученными от Голикова»⁹¹.

Вместе с тем, несмотря на то что маршал Г. К. Жуков негативно относился к Ф. И. Голикову и частенько говорил о том, что он не был знаком со многими документами военной разведки (что опровергается архивными материалами), он вынужден был признать (и это есть в его мемуарах), что в упомянутом выше докладе «излагались варианты возможных направлений ударов немецко-фашистских войск при нападении на Советский Союз. Как потом выяснилось, они последовательно отражали разработку гитлеровским командованием плана “Барбаросса”, а в одном из вариантов, по существу, отражена была суть этого плана. В докладе говорилось: “Из наиболее вероятных военных действий, намечаемых против СССР, заслуживают внимания следующие: Вариант № 3, по данным... на февраль 1941 г.:...для наступления на СССР [...]»

⁸⁷ Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной армии. Январь 1939 – июнь 1941 г. / Сост. В. Гаврилов. М., 2008. С. 568–571.

⁸⁸ Рубцов Ю. Командная работа для меня – призвание // Военно-промышленный курьер. 2005. 13 июля.

⁸⁹ Голиков Ф. И. Советская военная разведка перед гитлеровским нашествием на СССР / Публикаторы В. А. Арцыбашев, А. П. Серебряков // Военно-исторический журнал. 2007. № 12. С. 8.

⁹⁰ Откуда В. А. Анфилов мог взять этот доклад, чтобы привезти его Г. К. Жукову? Документ был рассекречен лишь 19 июля 1995 г. Поэтому вполне возможно, что историк использовал этот доклад для своих публикаций сразу же после его рассекречивания и ознакомления с ним. (Примеч. О.К.)

⁹¹ Цит. по: Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 226.

создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бока наносит удар в направлении Петрограда; 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта – в направлении Москвы и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееба – в направлении Киева. Начало наступления на СССР – ориентировочно 20 мая»⁹².

В то же время Г. К. Жуков начинает сам себе противоречить, когда пишет следующее: «Могло ли руководство Наркомата обороны своевременно вскрыть выход вражеских войск на границу СССР – непосредственно в исходные районы, откуда началось их вторжение 22 июня? В тех условиях, в которые было поставлено военное руководство, сделать это было трудно. Нам категорически запрещалось ведение воздушной разведки, а агентурные данные запаздывали. (Отчего же они запаздывали, если Ф. И. Голиков докладывал особо важные шифротелеграммы руководству Наркомата сразу после их получения? – О.К.) [...] К сожалению, даже из имевшихся сообщений не всегда делались правильные выводы, которые могли бы определенно и авторитетно ориентировать высшее руководство». [...] С первых послевоенных лет и по настоящее время кое-где в печати бытует версия о том, что накануне войны нам якобы был известен план “Барбаросса”, направление главных ударов, ширина фронта развертывания немецких войск, их количество и оснащенность. При этом ссылаются на известных советских разведчиков – Рихарда Зорге, а также многих других лиц из Швейцарии, Англии и ряда других стран, которые якобы сообщили эти сведения. Однако будто бы наше политическое и военное руководство не только не вникло в суть этих сообщений, но и отвергло их. Позволю со всей ответственностью заявить, что это чистый вымысел. Никакими подобными данными, насколько мне известно, ни советское правительство, ни нарком обороны, ни Генеральный штаб не располагали»⁹³.

В апреле 1941 г. в Центр продолжали поступать многочисленные сведения о сосредоточении германских войск на советской границе. По состоянию «на 4 апреля 1941 г. общее увеличение немецких войск от Балтийского моря до Словакии, по данным генерала Ф. И. Голикова, составляло 5 пехотных и 6 танковых дивизий. Всего против СССР находилось 72–73 дивизии. К этому количеству следует добавить немецкие войска, расположенные в Румынии, в количестве 9 пехотных и одной моторизованной дивизии»⁹⁴.

16 апреля 1941 г. РУ ГШ КА подготовило очередное спецсообщение – «О перебросках немецких войск в погранполосе СССР». В нем говорилось: «С 1 по 15 апреля с.г. из глубины Германии, из западных районов Восточной Пруссии и генерал-губернаторства германские войска совершают переброски по железным дорогам, автоколоннами и походным порядком в приграничную полосу с СССР. Основными районами сосредоточения являются: Восточная Пруссия, район Варшавы и район южнее Люблин. За 15 дней апреля германские войска на восточной границе увеличились на три пехотные и две механизированные дивизии, 17 тыс. вооруженных украинцев-националистов и на один полк парашютистов. Общее количество немецких дивизий всех типов в Восточной Пруссии и генерал-губернаторстве доведено до 78 (без немецких войск в Молдавии). [...] С 12 апреля запрещен проезд гражданских лиц по железной дороге на территории генерал-губернаторства. Многими источниками подтверждается эвакуация семей военнослужащих немецкой армии из Варшавы и районов восточнее Варшавы вглубь Германии»⁹⁵.

26 апреля 1941 г. начальник советской военной разведки направил высшему военному и политическому руководству СССР специальное сообщение «О распределении вооруженных

⁹² Жуков Г. К. Указ. соч. Т. 1. С. 293.

⁹³ Жуков Г. К. Указ. соч. Т. 1. С. 293, 295.

⁹⁴ Там же. С. 272–273.

⁹⁵ Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 104.

сил Германии по театрам и фронтам военных действий по состоянию на 25 апреля 1941 г.», в котором обращалось внимание на то, что «массовые переброски немецких войск из глубинных районов Германии и оккупированных стран Западной Европы продолжаются непрерывно. Основные потоки перебросок следуют в двух направлениях: к нашей западной границе и на Балканы»⁹⁶.

30 апреля 1941 г. командование Разведуправления Генштаба Красной армии направило руководству СССР специальное сообщение «О подготовке Германии к войне против СССР»⁹⁷.

Возвращаясь к условному делению документов разведки на группы, следует сказать, что к третьей группе отнесены донесения резидентов советской военной разведки, присланные в Центр в мае – июне 1941 г. В этот период РУ ГШ КА неоднократно докладывало руководству СССР о нарастании военной угрозы со стороны Германии.

Как свидетельствует бывший начальник Генерального штаба Красной армии Г. К. Жуков, по состоянию «на 5 мая 1941 г., по докладу генерала Ф. И. Голикова, количество немецких войск против СССР достигло 103–107 дивизий, включая 6 дивизий, расположенных в районе Данцига и Познани, и 5 дивизий в Финляндии. Из этого количества дивизий находилось: в Восточной Пруссии – 23–24 дивизии; в Польше против Западного округа – 29 дивизий; в Польше против Киевского округа – 31–34 дивизии; в Румынии и Венгрии – 14–15 дивизий. [...] Из числа войск венгерской армии до четырех корпусов находилось в районе Закарпатской Украины, значительная часть румынских войск располагалась в Карпатах. В Финляндии высадки производились в порту Або, где с 10 по 29 апреля было высажено до 22 тысяч немецких солдат, которые в дальнейшем следовали в район Рованиemi и далее на Киркенес. Генерал Ф. И. Голиков считал возможным в ближайшее время дополнительное усиление немецких войск за счет высвободившихся сил в Югославии»⁹⁸. Таким образом, весной 1941 г. в Москве знали, что германское военное руководство свои главные силы сосредоточивает на всем протяжении от Балтийского до Черного моря.

Резидент РУ ГШ КА в Софии полковник Л. А. Середа 14 мая 1941 г. телеграфировал в Центр: «В первых числах мая в Солуне состоялась встреча царя с Браухичем, обсуждались вопросы о поведении Болгарии в случае возникновения военного конфликта между Германией и СССР, о мероприятиях по укреплению Черноморского побережья и о помощи Финляндии. По первому вопросу подробности неизвестны. По второму вопросу мероприятия начнут проводиться в конце мая»⁹⁹.

19 мая 1941 г. источник «Коста» сообщил из Софии, что «в настоящее время Германия сосредоточила в Польше 120 дивизий, а к концу июня на советской границе будут 200 дивизий. В начале июля намечаются серьезные военные действия против Украины»¹⁰⁰.

Тогда же из Швейцарии Ш. Радо доносил: «По сообщению швейцарского военного атташе в Берлине от 5 мая, сведения о предполагаемом походе немцев на Украину происходят из самых достоверных немецких кругов и отвечают действительности»¹⁰¹.

27 мая 1941 г. из Софии сообщил информатор «Боевой»: «Германские войска, артиллерия и амуниция непрерывно переправляются из Болгарии в Румынию через мост и фарибот у Русе, через мост у Никополя и на барже около Видина. Войска идут к советской границе»¹⁰².

Таким образом, объем тревожных сообщений, поступавших отовсюду, возрастал. В большинстве донесений просматривались явные признаки подготовки Германии к войне про-

⁹⁶ Подробнее см. документ № 40 во второй части данной книги.

⁹⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 107.

⁹⁸ Жуков Г. К. Указ. соч. Т. 1. С. 273.

⁹⁹ Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 105–106.

¹⁰⁰ Там же. С. 106.

¹⁰¹ Там же. С. 106.

¹⁰² Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 106.

тив СССР. В мае 1941 г. Разведывательному управлению стало известно, что немецкие власти запретили движение пассажирских поездов в районах сосредоточения своих войск вдоль советской границы, а также начали создавать склады, формировать дополнительные пункты медицинской помощи, отзывать своих специалистов из других государств, ускорили строительство сооружений военного назначения, приняли меры по усилению системы противовоздушной обороны восточных районов Германии.

Тогда же советский военный атташе в Берлине генерал-майор В. И. Тупиков представил доклад о составе группировки немецких войск на советской границе и доложил вероятный план их вторжения в СССР. По мнению Тупикова, три группы армий должны были нанести удар из Восточной Пруссии в направлении Вильно, Витебск и далее на Москву и вспомогательный удар во взаимодействии с финской армией – на Ленинград. Группа армий в районе Люблин, Краков должна была нанести удар в направлении на Ровно, Коростень, Конотоп с целью окружения совместно с восточнопрусской группировкой частей Красной армии. Одна-две группы армий с территории Венгрии и Румынии совместно с армиями этих стран должны были нанести удар в направлении на Харьков. С выходом в район Днепропетровска одна группа армий должна была развить наступление на Кавказ. Разгром Красной армии и выход на меридиан Москвы предполагалось осуществить за 1–1,5 месяца¹⁰³. 9 мая 1941 г. генерал-лейтенант Ф. И. Голиков распорядился ознакомить с этим докладом наркома обороны С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба Г. К. Жукова.

Своевременная информация, доложенная руководству НКО СССР, позволила провести ряд превентивных мер: «С середины мая 1941 г. по директивам Генерального штаба началось выдвижение ряда армий – всего до 28 дивизий – из внутренних округов в приграничные, положив тем самым начало к выполнению плана сосредоточения и развертывания советских войск на западных границах. В мае – начале июня 1941 г. на учебные сборы было призвано из запаса около 800 тыс. человек, и все они были направлены на пополнение войск приграничных западных военных округов и их укрепленных районов. [...] По железной дороге на рубеж рек Западная Двина и Днепр были переброшены 19-я, 21-я и 22-я армии из Северо-Кавказского, Приволжского и Уральского военных округов, 25-й стрелковый корпус из Харьковского военного округа, а также 16-я армия из Забайкальского военного округа на Украину, в состав Киевского особого военного округа. 27 мая Генштаб дал западным приграничным округам указания о строительстве в срочном порядке полевых фронтовых командных пунктов, а 19 июня – вывести на них фронтовые управления Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов. [...] 19 июня эти округа получили приказ маскировать аэродромы, воинские части, парки, склады и базы и рассредоточить самолеты на аэродромах. Однако полностью провести в жизнь и завершить намеченные мобилизационные и организационные мероприятия не удалось»¹⁰⁴.

К июню 1941 г. Германия довела численность своих вооруженных сил до 8,5 млн человек, увеличив их с 1940 г. на 3,55 млн, доведя их, таким образом, до 214 дивизий. Из них на 1 июня 1941 г., по данным РУ ГШ КА, для войны против СССР предназначалось около 120 дивизий. «Наиболее массовые перевозки войск на Восток гитлеровское командование начало проводить с 25 мая 1941 г. К этому времени железные дороги немцами были переведены на график максимального движения. Всего с 25 мая до середины июня было переброшено ближе к границам Советского Союза 47 немецких дивизий, из них 28 танковых и моторизованных»¹⁰⁵.

В последней перед войной разведывательной сводке РУ ГШ КА, получившей порядковый № 5, приведены сведения о распределении немецких войск по состоянию на 1 июня 1941 г.

¹⁰³ Кондрашов В. В. Знать все о противнике. М., 2010. С. 75–76.

¹⁰⁴ Василевский А. М. Указ. соч. С. 106–107.

¹⁰⁵ Жуков Г. К. Указ. соч. Т. 1. С. 273–274.

Общая численность германских войск определялась в 286–296 дивизий, из них: моторизованных – 20–25, танковых – 22, горнострелковых – 15, парашютных – 4–5, авиадесантных – 4–5, дивизий СС – 18. Также отмечалось продолжение сосредоточения германских войск в приграничной с СССР полосе, массовая переброска частей из центральных районов Германии и оккупированных европейских стран¹⁰⁶.

Генерал-лейтенант Ф. И. Голиков докладывал руководству Наркомата обороны СССР, что «общее количество германских войск на нашей западной границе с Германией и Румынией (включая Молдавию и Добруджу) на 1 июня 1941 г. достигает 120–122 дивизии, в том числе 14 танковых и 13 моторизованных»¹⁰⁷. К 22 июня 1941 г., как установила военная разведка, на советской границе сосредоточилась германская группировка, в состав которой входили 191 дивизия и бригада, в том числе 146 немецких, а остальные представляли вооруженные силы Румынии, Венгрии и Финляндии. В реальности же на нашей границе сосредоточилось 226 дивизий и бригад, в том числе 153 пехотных, 15 танковых и 14 моторизованных дивизий. Немецкую группировку на нашей границе удалось вскрыть достаточно точно, однако общая численность соединений германской армии была завышена на 60–70 дивизий. Завышенными оказались сведения о количестве в вооруженных силах Германии боевых самолетов (в 2,5 раза) и танков (в 3 раза)¹⁰⁸.

Таким образом, несмотря на активную работу германской пропагандистской машины, действия по оперативной маскировке и дезинформационные мероприятия германских политических лидеров и командования вермахта, Разведуправление Генштаба Красной армии под руководством генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова смогло добыть достоверные сведения, которые свидетельствовали о целенаправленной подготовке Третьего рейха к войне против Советского Союза.

Ярчайшим свидетельством этого является «Перечень донесений военной разведки о подготовке Германии к войне против СССР (январь – июнь 1941 г.)»¹⁰⁹. Этот перечень был составлен в первые месяцы после начала Великой Отечественной войны и включал в себя 56 донесений военной разведки о подготовке Германии к нападению на Советский Союз. Из них 37 донесений были доложены И. В. Сталину, В. М. Молотову, руководству Наркомата обороны и другим высшим должностным лицам¹¹⁰. В. И. Лота составил примерный список донесений, которые входили в состав «Перечня...» и содержали сведения о предполагаемых сроках нападения Германии на СССР¹¹¹. Мы же представим более подробный список этих донесений:

- 29 декабря 1940 г. сообщение из Берлина от «Альты» через «Метеора» – война начнется в марте 1941 г.¹¹²;
- 31 декабря 1940 г. из Бухареста от «Ещенко» – «война начнется еще до весны» 1941 г.¹¹³;
- 22 февраля 1941 г. из Белграда – «война начнется в июне 1941 г.»¹¹⁴;
- 28 февраля 1941 г. из Берлина от «Альты» – «предполагаемая дата начала действий якобы 20 мая»¹¹⁵;

¹⁰⁶ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 107.

¹⁰⁷ Там же. С. 107.

¹⁰⁸ Там же. С. 107.

¹⁰⁹ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7272. Д. 1. Л. 87–98. (Рассекречено 26.04.2004)

¹¹⁰ Лота В. И. Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005. С. 29.

¹¹¹ Лота В. И. Указ. соч. С. 56.

¹¹² ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 22424. Д. 4. Л. 537. (Рассекречено 28.04.1989)

¹¹³ Там же. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 1–2. (Рассекречено 04.06.2003)

¹¹⁴ Лота В. И. Указ. соч. С. 56.

¹¹⁵ ЦАМО. Ф. 23. Оп. 7279. Д. 4. Л. 30–31. (Рассекречено 04.06.2003)

- 5 марта 1941 г. спецсообщение – «сроком нападения считается 1 мая 1941 г. В последнее время в связи с событиями в Югославии срок начала войны отнесен на 15 июня»¹¹⁶;
- 9 марта 1941 г. из Берлина – «осуществление планов намечено на апрель-май 1941 г.»¹¹⁷;
- 15 марта 1941 г. из Бухареста от «Корфа» через «Ещенко» – «войну следует ожидать через три месяца»¹¹⁸;
- 19 марта 1941 г. из Берлина – «нападение планируется между 15 мая и 15 июня 1941 г.»¹¹⁹;
- 24 марта 1941 г. из Бухареста от «Ещенко» – «война с СССР должна начаться в мае» 1941 г.¹²⁰;
- 25 марта 1941 г. из Бухареста от «АБЦ» через «Ещенко» – «война начнется в мае» 1941 г.¹²¹;
- 20 апреля 1941 г. из Бухареста от «Ещенко» – «от 15 мая до начала июня 1941 г. [...] Нападение на СССР в мае месяце – имеющимися [...] данными пока не подтверждается»¹²²;
- 21 апреля 1941 г. из Бухареста от «Ещенко» – «война между Германией и СССР возникнет очень скоро, может быть даже в половине мая» 1941 г.¹²³;
- 23 апреля 1941 г. из Бухареста от «Ещенко» – «Гитлер сказал: [...] Начиная в мае, мы закончим войну в июле»¹²⁴;
- 4 мая 1941 г. из Бухареста от «АБЦ» через «Ещенко» – «предусматривалась дата 15 мая, но, в связи с Югославией, срок перенесен на средину июня 1941 г.»¹²⁵;
- 5 мая 1941 г. из Берлина от «Арнольда» – «немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР»¹²⁶;
- 7 мая 1941 г. из немецкого посольства в Москве от «ХВЦ» – «Верховное командование отдало приказ закончить подготовку театра войны и сосредоточение войск на Востоке ко 2 июня 1941 г.»¹²⁷;
- 8 мая 1941 г. из Софии от «Зевса» – «Германия готовится начать военные действия против СССР летом 1941 г., до сбора урожая. Через 2 месяца должны начаться инциденты на советско-польской границе»¹²⁸;
- 11 мая 1941 г. из Бухареста – «военные операции начнутся против СССР в середине июня»¹²⁹;
- 13 мая 1941 г. из Берлина от «Кремня» – «15 мая 1941 г. в 5 часов 00 минут Гитлер нападет на СССР»¹³⁰;

¹¹⁶ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 104.

¹¹⁷ Лота В. И. Указ. соч. С. 52.

¹¹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 407–408. (Рассекречено 28.04.1989)

¹¹⁹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 107.

¹²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 452–455. (Рассекречено 28.04.1989)

¹²¹ Там же. Л. 458–465. (Рассекречено 04.06.2003)

¹²² Там же. Л. 606–609. (Рассекречено 28.04.1989)

¹²³ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 717. (Рассекречено 04.06.2003)

¹²⁴ Там же. Л. 629–631. (Рассекречено 28.04.1989)

¹²⁵ Там же. Л. 737–740. (Рассекречено 28.04.1989)

¹²⁶ Там же. Д. 3. Л. 492–493. (Рассекречено 04.01.2003)

¹²⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 108.

¹²⁸ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 762–763. (Рассекречено 28.04.1989)

¹²⁹ Лота В. И. Указ. соч. С. 53.

¹³⁰ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 3. Л. 556. (Рассекречено 04.06.2003)

– 19 мая 1941 г. из Софии от «Косты» – «в начале июля намечаются серьезные военные действия против Украины»¹³¹;

– 21 мая 1941 г. из Токио от «Рамзая» – «война между Германией и СССР может начаться в конце мая»¹³²;

– 22 мая 1941 г. из Берлина от «Кремня» – «нападение ожидается 15 июня 1941 г.»¹³³;

– 27 мая 1941 г. из Берлина от «Арнольда» – «выступление намечено на 8 июня 1941 г.»¹³⁴;

– 1 июня 1941 г. из Токио от «Рамзая» – «ожидание начала германо-советской войны около 15 июня»¹³⁵;

– 5 июня 1941 г. из Будапешта от «Марса» – «начало наступления на СССР Германией намечено между 10–20 июня»¹³⁶;

– 7 июня 1941 г. из Бухареста от «Дантона» – «война с СССР начнется между 15–20 июня 1941 г.»¹³⁷;

– 11 июня 1941 г. из Бухареста от «Дантона» – война начнется «не позднее 15 июня – 20 июня»¹³⁸;

– 16 июня 1941 г. из Берлина от «Арнольда» – «нападение назначено на 22–25 июня 1941 г.»¹³⁹;

– 20 июня 1941 г. из Софии от «Косты» – «военное столкновение ожидается 21 или 22 июня»¹⁴⁰;

– 20 июня 1941 г. из Токио – «война между Германией и СССР неизбежна»¹⁴¹;

– 21 июня 1941 г. из немецкого посольства в Москве от «ХВЦ» – «война Германии против СССР начнется в ближайшие 48 часов»¹⁴²;

– 22 июня 1941 г. в 3 часа 00 минут из Бухареста от «Дантона» – «26–27 июня должны открыться военные действия»¹⁴³;

– 22 июня 1941 г. из Берлина без подписи – «Гроза»¹⁴⁴.

Таким образом, перед начальником советской военной разведки стояла сложнейшая задача по выявлению дезинформационных сообщений, исходивших от противника, и установлению истинных сроков нападения Германии на СССР. Поэтому на каждой из упомянутых выше телеграмм имелась виза генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова, который указывал начальникам агентурного и информационного отделов, как, по его мнению, нужно использовать ту или иную телеграмму – перепроверить полученные данные, доложить непосредственно руководству страны и Наркомата обороны, включить в спецсообщение или разведсводку.

Важнейшее место в упомянутом выше «Перечне...» занимают сообщения от источника «Х» (так сокращенно обозначен «ХВЦ» – Герхард Кегель, сотрудник германского посольства в Москве). Он сумел передать более 100 сообщений, 20 из которых были доложены высшему

¹³¹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 106.

¹³² ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24127. Д. 2. Л. 381. (Рассекречено 28.04.1989)

¹³³ Там же. Оп. 24119. Д. 3. Л. 606. (Рассекречено 04.06.2003)

¹³⁴ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 3. Л. 635. (Рассекречено 04.06.2003)

¹³⁵ Там же. Оп. 24127. Д. 2. Л. 424. (Рассекречено 28.04.1989)

¹³⁶ Там же. Оп. 24119. Д. 4. Л. 485. (Рассекречено 07.02.2012)

¹³⁷ Там же. Д. 2. Л. 30. (Рассекречено 04.06.2003)

¹³⁸ Там же. Л. 46–47. (Рассекречено 04.06.2003)

¹³⁹ Там же. Д. 3. Л. 735. (Рассекречено 04.06.2003)

¹⁴⁰ Там же. Д. 2. Л. 83. (Рассекречено 28.04.1989)

¹⁴¹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 107.

¹⁴² Там же. С. 108.

¹⁴³ ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 2. Л. 101. (Рассекречено 07.02.2012)

¹⁴⁴ Там же. Д. 3. Л. 796. (Рассекречено 04.06.2003)

руководству (они же включены в «Перечень...»)¹⁴⁵. Только в июне 1941 г. с Г. Кегелем было проведено девять встреч. На основе переданных им сведений 19 июня 1941 г. в Центре было подготовлено специальное сообщение «О признаках вероятного нападения Германии на СССР в ближайшее время»¹⁴⁶. 20 июня 1941 г. РУ ГШ КА направило руководству СССР донесение «О признаках неизбежности нападения Германии на СССР в ближайшие дни»¹⁴⁷.

Утром 21 июня 1941 г. Г. Кегель вызвал советского разведчика на встречу и сообщил, что посол Германии «получил телеграмму из министерства иностранных дел в Берлине [о том, что] война Германии против СССР начнется в ближайшие 48 часов». Вторая встреча состоялась в тот же день в 19:00. Источник сообщил, что еще утром германский посол Ф.В. фон дер Шуленбург получил указание «уничтожить все секретные документы» и приказал «всем сотрудникам посольства до утра 22 июня упаковать все свои вещи и сдать их в посольство, живущим вне посольства переехать на территорию миссии». В завершение разговора немецкий антифашист сказал: «Все считают, что наступающей ночью начнется война»¹⁴⁸.

После этой встречи было подготовлено срочное донесение «О признаках нападения Германии на СССР в ночь с 21.06 на 22.06». По указанию генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова офицер специальной связи в 20:00 21 июня 1941 г. срочно доставил конверт с надписью «Только адресату. Сотрудникам аппарата не вскрывать» И. В. Сталину, В. М. Молотову и С. К. Тимошенко¹⁴⁹.

Сведения о предстоящем 22 июня 1941 г. нападении поступали не только из посольства Германии в СССР, но и от советского военного атташе во Франции генерал-майора артиллерии И. А. Сулопарова, который предупреждал о том, что, «по достоверным данным, нападение Германии на СССР назначено на 22 июня 1941 г.»¹⁵⁰. Это донесение было доложено руководству СССР. По словам бывшего начальника ГРУ ГШ генерала армии П. И. Ивашутина, на бланке донесения сохранилась резолюция И. В. Сталина, отражавшая умонастроения вождя в тот момент: «Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор этой провокации, и накажите его»¹⁵¹.

К 22 июня 1941 г. РУ ГШ КА, во главе которого находился генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, смогло обеспечить руководство Наркомата обороны и Генерального штаба следующими документами: схемой возможных районов сосредоточения германских войск на территории Финляндии и использования группировки в Норвегии в случае войны против СССР; сведениями об общих мобилизационных возможностях и вероятном распределении германских сил по театрам военных действий; схемой вероятных операционных направлений и возможного сосредоточения и развертывания войск вермахта на Восточном фронте; схемой группировки германских войск на 20 июня 1941 г.; картой группировки и дислокации германской и румынской армий на 22 июня 1941 г.¹⁵²

Отсюда можно сделать вывод о том, что предпринятые руководством германского вермахта усилия по дезинформации и оперативной маскировке переброски войск к советским границам не смогли полностью скрыть подготовку Германии к войне против СССР.

¹⁴⁵ Напомним, что В. А. Новобранец в своих воспоминаниях писал, что «мы подозревали, что наш агент из немецкого посольства [...] явный дезинформатор» (Новобранец В. Указ. соч. С. 84). Естественно, В. А. Новобранец не знал, кто именно являлся советским разведчиком в германском посольстве, а мемуары Г. Кегеля, изданные на немецком языке в 1983 г., а на русском – в 1987 г., он, конечно, прочитать не успел, поскольку умер в 1984 г. (Примеч. О.К.)

¹⁴⁶ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 108.

¹⁴⁷ Там же. С. 108.

¹⁴⁸ Там же. С. 108.

¹⁴⁹ Там же. С. 108.

¹⁵⁰ Ивашутин П. И. Докладывала точно (Воспоминания о минувшей войне) // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 57.

¹⁵¹ Там же. С. 57.

¹⁵² Кондрашов В. В. Указ соч. С. 98–99.

В первые дни Великой Отечественной войны генерал-лейтенант Ф. И. Голиков не был, вопреки распространенному мнению, снят с поста начальника Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии¹⁵³. Оставаясь в прежней должности, он был направлен в Великобританию и США для проведения переговоров о военных поставках для СССР и открытии второго фронта. Никакое другое должностное лицо Наркомата обороны отправлено быть не могло: ни у кого в должностных обязанностях не были предусмотрены взаимоотношения с зарубежными военными деятелями. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что И. В. Сталин и другие высшие руководители государства и Наркомата обороны не считали Ф. И. Голикова виновным в трагедии 1941 г., хотя в это же время многие советские генералы были не только сняты со своих должностей, но и репрессированы.

После возвращения из зарубежной командировки генерал Ф. И. Голиков командовал армиями и фронтами на полях сражений Великой Отечественной войны, занимал ответственные посты в центральном аппарате НКО СССР и даже вновь, правда совсем недолго (с 16 по 22 октября 1942 г.), был начальником советской военной разведки¹⁵⁴.

Все это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что Ф. И. Голиков, возглавляя в 1940–1941 гг. Разведуправление Генштаба Красной армии, своевременно информировал политическое и военное руководство СССР о надвигающейся войне и претензий к нему высказано не было.

*О. В. Каримов,
кандидат исторических наук*

¹⁵³ Это подтверждает и тот факт, что в сентябре 1941 г. Ф. И. Голиков подписал спецсообщение РУ ГШ КА «О подготовке немцами воздушно-десантной операции против Крыма». См. документ № 55 во второй части данной книги. (Примеч. О.К.)

¹⁵⁴ Каримов О. В., Могильников В. А. Указ. соч. С. 63.

Воспоминания

В разведке

Летом 1940-го я был назначен начальником центрального органа военной разведки – Разведывательного управления Наркомата обороны. Произошло это в июле месяце, едва ли не в день моего сорокалетия. Полученный из Москвы приказ был столь же категоричным, сколь неожиданным для меня. Я командовал 6-й армией в городе Львове.

Оставлять любимое дело не очень хотелось, тем более менять строевую работу на любую другую я не собирался, а жить в Москве вообще не помышлял. Работой в 6-й армии был очень увлечен. Ведь со дня воссоединения в сентябре 1939 года западных областей Украины с Советским Союзом не прошло и года, и лето 1940-го было очень «горячим»: приближение военной опасности для нашей Родины чувствовалось все сильнее, и все мы были целиком захвачены повышением боевой готовности своих войск и строительством оборонительных укреплений на нашей новой границе в районе Равы-Русской, по правому берегу реки Сан, у Перемышля и еще южнее в предгорьях Карпат. Все в армии понимали, что мы строим их против гитлеровской Германии.

О новом назначении со мной никто не беседовал, но приказ был получен и, вполне понятно, беспрекословно выполнен.

Смущало и очень беспокоило сознание того, что я не имел специальной разведывательной подготовки. Конечно, как всякий общевойсковой командир и политработник, я владел знаниями и навыками в организации и ведении разведки боевыми подразделениями, частями и соединениями. Моим максимумом здесь были мотомеханизированный корпус и общевойсковая армия.

В области же разведки стратегического масштаба меня просветила Военная академия имени М. В. Фрунзе и еще – некоторые произведения периода мировой войны 1914–1918 годов. Произведения эти были полезны, но многое в них было явно надуманным и преувеличенным, а бесчестность, жажда наживы, шантаж, интриги, подкуп, коварство и т. п. ловко рядились в одежды патриотизма, идейности, благородства, бескорыстной романтики и мрачной таинственности.

Заранее скажу, что все эти наносные представления у меня быстро рассеялись по приходе в Разведупр. Рассеялись перед лицом реальной действительности: я увидел жизнь и труд большого коллектива, здорового, активного, дружного, идейно, политически целеустремленного, работающего уверенно и буквально не покладая рук: днем и ночью, в будни и в праздники. Работа велась на базе новейших достижений научно-технической мысли того времени.

К числу вопросов, которыми сразу потребовалось заняться, относился вопрос о подчиненности Разведывательного управления и его контактах с другими организациями. Возник он вполне закономерно и, кажется, по инициативе комиссии, назначенной наркомом обороны для передачи мне дел моим предшественником – генералом И. И. Проскуровым, Героем Советского Союза. Возглавлял комиссию заместитель наркома Е. А. Щаденко.

Разведывательное управление до июля 1940 года не входило в систему Генерального штаба Красной армии, оно напрямую подчинялось народному комиссару обороны. Однако все говорило за то, что работать Разведупру вне Генштаба, без подчинения начальнику Генерального штаба, без его повседневного руководства, без систематической оценки им материалов разведки нельзя. Необходимость организационного включения Разведупра в Генштаб с пря-

мым подчинением его начальнику я подтвердил сразу и без малейших колебаний. Соответствующее решение высших органов состоялось в июле же¹⁵⁵.

Вопрос о подчинении Разведупра на этом не кончался. Дело обстояло сложнее, так как прямые личные контакты начальника РУ с наркомом обороны периодически оказывались необходимыми, конечно, не в обход начальника Генерального штаба, более того – с его ведома и с докладом ему о результатах посещения наркома. К последнему доводилось и приходилось непосредственно обращаться по разным вопросам военного свойства, например при назначении на разведывательную работу крупных работников из войск. Иногда он сам вызывал меня для участия во встрече с тем или иным официальным военным представителем иностранного государства. Такие случаи имели место, например, при беседах с генералом Кестрингом, военным атташе Германии, при беседе с одним из высокопоставленных японских генералов.

С моей точки зрения, прямые контакты наркома с начальником РУ были вызваны самим характером деятельности Разведывательного управления, его задачами и требованиями к нему, особенно в международных военно-политических условиях того времени. Ничего, кроме пользы делу, от этого не было, тем более что С. К. Тимошенко, тогдашний нарком обороны, уделял разведке большое внимание и был очень отзывчив на нужды Разведупра. При этом Тимошенко никогда не подменял начальника Генерального штаба, не обезличивал его.

С давнего времени установилась практика и система, по которым Разведывательное управление свои важнейшие данные, например из ежедневно поступавших телеграфных донесений из-за границы, обязано было представлять напрямую руководителям высших военных, партийных и государственных инстанций, начиная с генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина. Всегда это делалось и в отношении наркома обороны, и в отношении начальника Генерального штаба. Хочется подчеркнуть, что все оперативные работники Разведупра относились к этому с полным пониманием и с большой ответственностью. Знаю, что к информации нашей военной разведки И. В. Сталин относился с вниманием, интересом, следил за ее содержанием и качеством.

Широкий круг задач, обязанностей и нужд военной разведки не раз приводил меня не только к начальнику Генштаба и наркому обороны, но, с их ведома, и к руководителям союзных наркоматов, например к А. И. Микояну, А. Г. Звереву. Хороший контакт был у нашего РУ с Наркоматом иностранных дел. Раза два-три мне доводилось беседовать с Георгием Димитровым.

Гораздо слабее была связь между различными видами советской разведки, как в смысле оперативного взаимодействия, так и по линии обмена информацией. Органа, контактирующего их деятельность, не существовало. Собственных намерений и усилий к установлению таких связей стороны проявляли очень мало, а что касается меня, то я не знал, как к этому вопросу подходить и что тут можно сделать. Отвлекаясь немного, хочу сказать, что в ходе Великой Отечественной войны был период, когда я, видимо по решению ГКО и Ставки ВГК, некоторое время руководил Объединенным совещанием начальников разведывательных управлений всех видов советской разведки. Наша задача состояла в том, чтобы выявить и оценить возможности сопротивления фашистской Германии на этапе, близком к завершению Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Помнится, мы провели несколько обсуждений и представили высшему политическому и военному руководству СССР результаты нашего всестороннего анализа. Польза от такой контактной работы и совместных обсуждений была несомненной для каждой участвующей орга-

¹⁵⁵ Разведывательное управление РККА непосредственно подчинялось наркому обороны СССР с 1934 г. В мае – июне 1939 г. оно было реорганизовано в 5-е Управление РККА, а в конце июля 1940 г. вошло в состав Генерального штаба Красной армии. (Примеч. сост.)

низации. При этом ни с одной стороны не было проявлено ни малейшего посягательства на секреты и прерогативы какого-либо вида разведки.

Бывать в период работы в разведке у И. В. Сталина и лично докладывать ему мне не приходилось. Вызывать меня к себе сам он, как видно, не видел необходимости. К тому же о деятельности Разведупра он всегда мог узнать у наркома обороны, особенно же у начальника Генерального штаба. Проситься самому к нему на прием мне и в голову не приходило, и вообще это казалось слишком нескромным, если не еще хуже¹⁵⁶.

Большое внимание Разведупру всегда уделял Центральный комитет ВКП(б), особенно в деле подбора и укрепления кадров военной разведки. А нужда в работниках все время возрастала, так как задачи разведки усложнялись и их становилось больше. Забота о кадрах давала плодотворные результаты.

В рядах Разведупра трудились высокоподготовленные в специальном, стойкие в морально-политическом отношении, преданные советской Родине и принципам пролетарского интернационализма кадры.

Назову для примера несколько лиц, о делах которых известно из нашей печати. Это Рихард Зорге, Ильзе Штебе – «Альта», Курт¹⁵⁷, Лев Маневич, Вольфганг «Ариец»¹⁵⁸, коллектив «Красной капеллы».

О том, какие герои и мастера действовали в органах агентурной фронтовой разведки, дают представление такие люди, как Аня Морозова (вспомните кинофильм «Вызываем огонь на себя!») и Елизавета Вологодская (кинофильм «Майор «Вихрь»»). А сколько разведчиков, рассказать о ком еще не настало время!

В самом центральном аппарате РУ было очень много таких людей, которые работали в нем долгие, долгие годы – пятилетия и даже десятилетия. Придя в РУ молодыми, они отдали целиком себя внешне малозаметному, но исключительно трудному, важному и благородному делу советской военной разведки. Некоторые из них отдали за это свою жизнь.

Сохранение сложившихся кадров, пополнение их свежими силами и общее сплочение коллектива военной разведки для решения стоящих перед Разведупром вопросов нами рассматривалась как важнейшая задача нашей работы.

Важно было сразу вселить в умы людей понимание того, что их положение устойчиво по всем линиям – и в легальных, и в нелегальных условиях. К примеру, скажу о случае с Зорге, когда ему потребовалась экстренная помощь крупной суммой денег. Немедленно принятая, эта мера полностью себя оправдала.

Сильная партийная организация Разведупра и его политический отдел, немало лет возглавлявшийся И. И. Ильичевым, эффективно помогли создать очень дружную атмосферу и в работе, и во взаимоотношениях, и в настроении людей. Не вспомню ни одного человека, который бы заявил о нежелании работать в РУ, но знаю и отлично помню работников, кто продолжает работать в этой области до сих пор. Многие в самый трудный период Великой Отечественной войны были взяты на фронт на общекорпусную, штабную, специальную работу, а также в разведку, в партизанские отряды и т. д.

Из числа взятых в войска работников РУ армиями командовали В. И. Чуйков, П. С. Рыбалко и К. С. Колганов. М. А. Пуркаев прошел путь командующего армией и фронтом. В. И. Тупиков был назначен начальником штаба фронта, Н. С. Дронов – начальником штаба армии. Некоторые были командирами корпусов, в частности А. П. Панфилов, и командирами дивизий, например В. А. Герасимов и Х.-У. Дж. Мамсуров.

¹⁵⁶ Накануне Великой Отечественной войны Ф. И. Голиков был на приеме у И. В. Сталина пять раз: в 1940 г. – 11 октября, 20, 22 и 25 ноября; в 1941 г. – 11 апреля. См.: На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. М., 2008. С. 595. (Примеч. сост.)

¹⁵⁷ По-видимому, здесь идет речь о К. Шульце. (Примеч. сост.)

¹⁵⁸ Очевидно, речь идет о Р. фон Шелиа. (Примеч. сост.)

Многих война застала на постах начальников разведывательных отделов штабов военных округов. Одни из них возглавляли службу разведки в штабах фронтов, другие – в штабах армий. В абсолютном большинстве они с честью оправдали свое назначение. Для примера назову начальников разведывательных отделов штабов фронтов П. П. Евстигнеева, М. А. Мильштейна, А. С. Рогова, В. М. Капалкина, А. И. Сафронова, Т. Ф. Корнеева, а из числа начальников разведки армий – А. Г. Колесова, Н. А. Филатова, С. А. Фомина.

События и уроки Второй мировой войны, относящиеся к действиям агрессоров и «мюнхенцев»¹⁵⁹ в 1939–1940 годах, а тем более нарастание военной угрозы Советскому Союзу, потребовали привлечения в ряды стратегической разведки большого количества новых работников со свежим военным опытом, с высшим общевоинским и специальным образованием. И такие люди пришли – командиры общевоинских соединений, артиллеристы, танкисты, авиаторы, инженеры, химики, связисты. В центральный аппарат Разведупра были назначены командиры корпусов И. Г. Рубин и К. С. Колганов, командир дивизии Н. С. Дронов, командир танковой бригады А. П. Панфилов¹⁶⁰. На должности военных атташе пошли: в Англию – танкист, полковник И. А. Скляр, в США – командир артполка полковник И. М. Сараев, во Францию – генерал-майор артиллерии И. А. Суслопаров.

С ходу начать практическую работу в Разведупре для меня было, конечно, очень сложно, и тут нужно отметить роль упомянутой приемно-сдаточной комиссии. Работала она долго, кропотливо, придирчиво и немало отрывала людей от текущих дел, но при этом работала добросовестно и старательно. Во многом благодаря ей я смог быстрее сориентироваться в обстановке. Мне было также указано на некоторые слабости в работе как центрального аппарата, так и периферийных органов разведки.

Первостепенным в многообразной деятельности Разведупра был вопрос, что в обстановке 1940 года для него являлось главным. На чем и на ком сосредоточить основное внимание, приложить основные усилия, направить основные средства.

В целом коллектив Разведупра правильно понимал обстановку последних восьми – десяти лет и настойчиво вскрывал замыслы и действия, направленные против Советского государства.

Январь 1933 года, приход Гитлера к власти. Вскоре – выход Германии из Лиги наций¹⁶¹. В том же году Гитлер получает от правительств Англии и Франции равное право на вооружение. Потом интервенция агрессоров в Абиссинии, за ней – в Испании.

Вслед за этим, в 1936 году, создание блока «Ось Берлин – Рим», «Антикоминтерновский пакт» Германии, Японии, Италии и фашистской Испании¹⁶². Потом открытый захват Гитлером Рейнской области, Австрии¹⁶³.

В мае 1939 года между Германией и Италией был официально заключен военно-политический союз, затем в сферу влияния гитлеровской Германии были вовлечены Венгрия, Румыния, Болгария, Финляндия Маннергейма. В апреле 1939 года фашистская Италия захватила Албанию.

¹⁵⁹ Здесь имеются в виду участники международной конференции, которая состоялась в Мюнхене 29–30 сентября 1938 г. (Примеч. сост.)

¹⁶⁰ Н. С. Дронов был командиром 81-й стрелковой дивизии в январе – июле 1938 г., А. П. Панфилов командовал танковой бригадой во время боевых действий у озера Хасан. (Примеч. сост.)

¹⁶¹ Гитлеровская Германия вышла из Лиги наций 19 октября 1933 г. (Примеч. сост.)

¹⁶² Антикоминтерновский пакт («Соглашение о совместной обороне против Коммунистического интернационала») заключили 25 ноября 1936 г. Германия и Япония. Италия к этому пакту присоединилась 6 ноября 1937 г., а Испания – 7 апреля 1939 г. (Примеч. сост.)

¹⁶³ Рейнская демилитаризованная зона была оккупирована германскими войсками 7 марта 1936 г. Аншлюс Австрии (то есть включение этого независимого государства в состав Третьего рейха) состоялся 12–13 марта 1938 г. (Примеч. сост.)

Настойчиво развертывала агрессивные действия против СССР милитаристская Япония: в 1938 году она совершила вооруженное нападение у озера Хасан, в 1939-м развязала наступательные операции в районе реки Халхин-Гол.

Как же перед лицом непрерывных и становившихся все более грозными фактов агрессии вели себя правительства сильнейших капиталистических держав Запада – Великобритании, Франции, США?

Ответить на этот вопрос без всякого риска ошибиться или перегнуть можно так: лишь бы не помешать агрессорам, лишь бы не спугнуть их, как бы помочь им удобнее для себя и незаметнее для других.

Теперь по этому вопросу появилось немало публикаций, основанных на множестве рассекреченных за последние 20–25 лет документов держав – участниц Второй мировой войны. Стали явными тайные планы заправил буржуазного Запада, их маневры и уловки против стараний Советского Союза по организации коллективной безопасности миролюбивых государств. Нам явно грозила опасность войны по меньшей мере на два фронта: на западе со стороны гитлеровской Германии и на востоке со стороны милитаристской Японии. Не исключался и третий фронт – со стороны Турции и Ирана, где рука и влияние гитлеровской Германии день ото дня чувствовались все сильнее, особенно после захвата Греции, Албании, Югославии и ввода гитлеровских войск в Болгарию и Румынию.

Май 1940 года ознаменовался переносом военных усилий гитлеровской Германии против Франции, Англии, Бельгии и Голландии. Разгром Франции, капитуляция голландской и бельгийской армий, позор Англии у Дюнкерка поставили перед советской военной разведкой ряд новых, причем острых и срочных задач.

Что предпримет Гитлер теперь? Каковы его планы на завтра? Куда направятся мощные силы вермахта дальше? Какими будут их действия по отношению к Советскому Союзу? Это были вопросы военно-политического и, я бы сказал, внешнеполитического характера. Наше Разведывательное управление, насколько мне довелось его знать, никогда не замыкалось в рамки профессиональных вопросов. Проблемы внешней политики страны были и его проблемами.

Вот и на том этапе «германский вопрос» теснейшим образом был связан с «английским» – с намерениями Гитлера относительно Англии и наоборот. Не мог не встать перед нами и вопрос об отношении США к действиям Германии. Тем более что на всю деятельность и особенно на подход американского правительства к военно-политическим делам крайне отрицательно влияли изоляционисты. То же надо сказать о Балканских государствах, Ближнем Востоке и Турции, где вмешательство гитлеровской Германии и рост ее воздействия на положение этих стран непрерывно усиливались. О Японии, как военном и идейном союзнике гитлеровской Германии, уже говорилось.

К чести коллектива Разведывательного управления ответ на поставленный вопрос – кто для Советского Союза является первоочередным и главным врагом – был единодушным: гитлеровская Германия! И как вывод: главные усилия должны быть сосредоточены на планах войны Гитлера против СССР. На решении этой задачи мы концентрировали усилия всех звеньев нашей военной разведки, использовали все каналы работы в каждой стране, где имели свои позиции. Разведупр располагал довольно значительной, надежной и умелой сетью нелегалов во многих странах. Немалыми были по тем временам возможности его легального аппарата в лице военных атташе и сотрудников советских посольств.

Многое открывалось и систематическим изучением иностранной прессы, разного рода неперiodических изданий, например научных трудов, справочников. И еще – общественными контактами. Нельзя, однако, и преувеличивать значение всего перечисленного.

Возможности нашей агентуры – нелегалов из числа граждан своих стран – не были большими, особенно в добывании нужных нам официальных документов руководящих инстанций высшего военного командования.

Очень много поступало сведений далеко не из первоисточника, а из вторых, третьих рук или из чего-то прочитанного, услышанного, кем-то рассказанного.

Все это предъявляло исключительно высокие требования к аналитической и информационной работе Разведупра.

Можно с уверенностью сказать, что его информационный аппарат, возглавляемый генералом Л. В. Оняновым и полковником Г. П. Пугачевым, отличался высокой квалификацией, пытливостью, живым реагированием на текущие события, отсутствием шаблона и нетерпимостью к стандартному подходу при оценке обстановки. Не в меньшей степени эти свойства отнормировались и к руководителям агентурных отделов, добывавших нужные знания. Оценка поступавших данных была делом далеко не легким и уж во всяком случае не таким, как это кое-кому казалось тогда и особенно по окончании войны. При чем суть состояла не в том, что материалов было мало. Наоборот, их было очень много, и разных, толстых и тонких, больших докладов и кратких телеграмм, печатных текстов и фотографий. К нам шло все то, что с точки зрения наших низовых корреспондентов казалось заслуживающим внимания: достоверное и недостоверное, проверенное и непроверенное, слухи и предположения, домыслы и вымыслы. При чем во всем этом нередко одно противоречило другому, многое, зачастую не всегда важное, неоднократно повторялось, а другое, порой существенное, исчезало из поля зрения или видоизменялось. Во всем этом не было ничего удивительного.

Одно объяснялось весьма скромным служебным или общественным положением какой-то части наших нелегальных сотрудников с вытекающими отсюда ограниченными возможностями для их работы. Другое – обилием наших друзей из числа самого простого трудового люда без малейшей профессиональной разведывательной подготовки, старавшихся нас настроить, о чем-то предупредить. А разве мало интересного можно было услышать от словоохотливых туристов, вездесущих и «всезнающих» газетчиков, от неосторожных на слова служащих, в том числе военных и полицейских?

Было и третье объяснение, причем очень серьезное. Это дезинформация, преднамеренное распускание определенными высшими инстанциями вражеского лагеря нужных им слухов, по возможности хорошо продуманных и спланированных.

Нагромождение всех и всяких данных шло не из одной какой-то страны или из двух-трех, а со всех концов земного шара, из всех или почти из всех государств мира. Хорошо помню, насколько трудной, ответственной, а порой и острой была наша задача по оценке поступающих данных, по отсеву не заслуживающего внимания, по отбору заслуживающего внимания и по указанию на то, что является достоверным, что требует дополнительной проверки, а что является дезинформацией. При чем эта квалификационная работа была необходима и для указаний «вниз», и для докладов «вверх». В очень многих случаях вопросы этого рода не могли решить ни работники информации, ни работники агентурных отделов, ни те и другие вместе. Требовалось прямое участие, а часто и решение самого начальника Разведупра сразу же или после совместного обсуждения с работниками соответствующих отделов и с кем-то из заместителей, чаще всего с И. И. Ильичевым и А. П. Панфиловым, а также с К. С. Колгановым.

Казалось бы, чего проще – разослать в высшие политические и военные инстанции телеграфные донесения из-за границы. Но они поступали ежедневно во множестве, и совесть говорила: нельзя же загромождать, отбирать действительно важное для конкретной инстанции. Когда же возникала мысль «послать – не послать», мы говорили себе: лучше послать. Пожалуй, такие мысли чаще всего возникали о данных внешнеполитического, точнее, дипломатического характера. При этом думалось: наверно, это уже известно без нас (по линии Наркомата ино-

странных дел). И тем не менее я не помню случая, когда бы нам «сверху» сказали: «Это не надо», или «Такой материал не присылайте», или «Это уже известно».

По периоду своей работы в РУ не помню ни одного случая, когда бы наше донесение подвергалось критике, опротестованию, а тем более отмене со стороны инстанций, которым Разведупр подчинялся и которые обязаны были им руководить, или со стороны командующих, штабов и военных советов округов и фронтов.

Но вот вопрос, стоящий перед каждым разведчиком, особенно перед руководителем разведки: о доверии и достоверности. Речь идет о доверии к своим работникам, легалам и нелегалам, и о достоверности поступающих к нам в Разведывательное управление данных. Несмотря на родство слов, совершенное различие между этими понятиями очевидно.

В ходе своей практической работы я видел, что этот вопрос оказывался актуальным не только для меня, начинающего в разведке, но и для моих сотоварищей, профессиональных разведчиков с большим опытом работы.

Твердо заявляю: мы, руководители Разведупра, доверяли своей агентуре, ценили ее, дорожили ею. Да и как же можно было вести дело иначе? Ведь мы его строили на достойных людях, на тех, кто шел к нам не из низменных расчетов, а из благородных побуждений идейного и морально-политического порядка. Они чувствовали наше к ним отношение и платили нам тем же: доверием и твердой надеждой, что в случае беды не будут оставлены нами на произвол судьбы.

Короче говоря, в получаемом материале нужно было разбираться претщательнейшим образом. И в сообщениях самых надежных и доверенных наших людей могли быть и достоверные, и недостоверные данные, правда могла соседствовать с правдоподобием, реальные факты – с домыслом и вымыслом. Максимум усилий надлежало уделить проверке и перепроверке, сопоставлениям и сравнениям, привлечению вспомогательной информации, причем порою поступившей откуда-то со стороны.

При всем этом работники разведки, в том числе Разведупра, всегда помнили, что они работают не для себя, что их данные нужны и высшим органам, и Вооруженным силам. И нужны вовремя. Поговорка «Дорого яичко ко Христову дню» здесь особенно уместна. Время было решающим фактором.

Мы никогда не уклонялись от представления добываемых нами данных и представляли их в документах разнообразных видов. При этом свою роль не сводили к передаточной роли, к пересылке или отсылке документов, а выражали свое мнение, свое к ним отношение. И выражали, беря на себя ответственность, причем не шаблонно или формально. Мы говорили: «По достоверным данным», «По данным, заслуживающим доверия» или то-то «заслуживает внимания». Нередко писалось, что данные требуют проверки, и это вполне понятно, так как принцип «Доверяй, но проверяй» в делах разведки не менее, а, скорее всего, более обязателен, чем в любом другом деле. Тем более надо было проверять, когда что-то в полученных данных вызывало сомнение.

Сомнение, недоверие возникали нередко и по крупным вопросам политического и военного характера. Иногда, в зависимости от обстоятельств, мы в своих докладах и материалах в высшие инстанции называли действительное имя нашего источника.

Как-то раз, спустя уже более четверти века после начала Великой Отечественной войны, мне пришлось услышать сетования одного военного историка на то, что в Разведупре якобы не придавалось должного значения достоверным сообщениям замечательных военных разведчиков. Тогда достаточно спросить: на основании каких же сообщений мы докладывали высшему политическому и военному руководству страны данные по острейшим вопросам предвоенных лет? Чьим сведениям мы придавали «должное значение», если не своим источникам? На основании чего брали на себя ответственность перед советским правительством, ЦК ВКП(б) и высшим военным командованием?

Не на основании же потоков газетной информации, различного рода слухов, догадок, домыслов (хотя кое-что полезное содержалось и в них!).

А каким горячим было то время и на какие вопросы нужно было отвечать!

Победив в «странной войне» коалицию западных государств, Гитлер с лета 1940 года приступил к претворению в жизнь своих дальнейших планов. В сентябре 1940-го в Берлине был официально подписан пакт «Ось Рим – Берлин – Токио». В октябре того же года войска Муссолини вторглись в Грецию. В декабре Гитлер подписал план «Барбаросса», то есть план «Восточного похода», войны против Советского Союза. Весна 1941 года: оккупация гитлеровскими войсками Болгарии, вторжение больших масс немецко-фашистских войск в Югославию, оккупация немцами и итальянцами Греции.

И по всем этим событиям основой сведений военной разведки и наших донесений высшим инстанциям являлись достоверные, заслуживающие внимания сообщения наших славных разведчиков. Причем то обстоятельство, что эти сведения не сразу оказывались исчерпывающими или нуждались в дополнительной проверке, не играло решающей роли, не задерживало нас. Мы не допускали перестраховки и боязни ответственности, не оттягивали представление своих докладов руководству ВКП(б), советскому правительству и высшему военному командованию. В самом сжатом виде приведу примеры.

Мы считали очень важным поскорее ознакомить высшие звенья советского военного командования с тем, как гитлеровские вооруженные силы в мае – июне 1940 года осуществляли генеральное наступление на Западном фронте против объединенных сил Франции, Англии, Бельгии и Голландии. В декабре 1940 года с освещением этого вопроса я выступил на широком и представительном совещании руководящего командного и политического состава в Москве. В основном говорилось о так называемой июньской «битве за Францию»¹⁶⁴. Было сказано об участвовавших в наступлении немецко-фашистских силах, их сосредоточении, группировке и размахе операции. Были приведены данные о боевых плотностях в живой силе и технике на всем тысячекилометровом фронте от швейцарской границы до устья Соммы. Отдельно – на сходящихся направлениях и особенно в двухсоткилометровой полосе главного удара. Достижимая степень концентрации сил и средств на решающих направлениях подчеркивалась сообщением о том, что между Намюром и Седаном, то есть в полосе группы армий «А», у немцев в среднем одна пехотная дивизия получала полосу атаки, составлявшую всего два с половиной – три километра. Всего же в полосе главного удара гитлеровцы ввели в дело четыре полевые армии с общим количеством в 65 пехотных дивизий и не менее девяти танковых дивизий, а также главные силы авиации.

Приведенные в выступлении данные давали много простора для размышлений, анализа и собственных выкладок всем нашим операторам, нашим высшим штабам, начиная с Генерального и его начальника, командующим военными округами и другим военным инстанциям.

Не помню точно когда, но, кажется, вскоре после этого всеармейского совещания мне представилась возможность выступить на Главном военном совете с сообщением о развитии вооруженных сил гитлеровской Германии. Заседание проходило в особняке Наркомата обороны по соседству с Генеральным штабом. Среди участников были некоторые члены Политбюро ЦК ВКП(б), и выступление перед таким составом для меня было первым в жизни.

Особое внимание старался обратить на ускоренное развитие и значительное количество состоявших на вооружении вермахта бронетанковых сил, зенитных и противотанковых средств, артиллерии на механической тяге и авиации. Помнится, этот доклад был встречен с самым живым и глубоким интересом всех участников заседания, и я ушел удовлетворенный проявленным к нашему вопросу деловым вниманием и подходом.

¹⁶⁴ Речь идет о втором этапе Французской кампании вермахта, получившем кодовое наименование «Рот» и длившемся с 5 по 22 июня 1940 г. (Примеч. сост.)

Положение на Балканах в связи с агрессивной политикой Италии и Германии не могло не беспокоить советское правительство и, естественно, составляло предмет больших забот нашего Разведывательного управления.

Захватив в 1939 году Албанию, Италия во главе с Муссолини усиленно готовилась к следующей грабительской акции – против Греции. Гитлеровская Германия к 1940 году многое «успела» в укреплении своего экономического, политического и военного положения в Румынии, Болгарии, а также в Венгрии. Все больше усиливался ее нажим на Югославию, вмешательство во внутренние дела Югославии при помощи крупных сил прогитлеровской пятой колонны.

Несомненно, рост гитлеровского влияния встречал в этих странах растущее сопротивление истинно патриотических и просоветских сил, но их возможности в условиях обстановки того времени были недостаточными.

У советской военной разведки были сильные позиции во всех Балканских государствах, поэтому она достаточно хорошо знала истинное положение в каждом из них. Вторжение в Грецию, Югославию, оккупация немецкими войсками Румынии и Болгарии советскую сторону не захватили врасплох. Очень быстро были выявлены численность, состав и группировка войск агрессора.

Постоянное знание истинной группировки немецко-фашистских вооруженных сил, особенно против Советского Союза, являлось одной из важнейших задач Разведупра. Непростой задачей это было. Войска постоянно передвигались с одного театра военных действий на другой, причем на огромном пространстве от Нарвика (северная Норвегия) до Египта и от Балтийского моря до Эгейского. Наряду с этим одна за другой проводились крупные мобилизации и формировались новые общевойсковые соединения, части авиации, части специального назначения, организация Тодта и т. д.

Могу без обиняков утверждать, что военная разведка с этой своей задачей справилась успешно и своевременно.

Уже в ноябре 1940 года мы доносили (вплоть до штабов военных округов), что с осени этого года было «установлено увеличение германских войск против наших западных границ». При этом подчеркивалось, что «это требует к себе серьезного внимания, так как общее количество германских сил на Востоке во многом превосходит силы, необходимые для охраны границ»¹⁶⁵.

На 15 ноября 1940 года в результате проведенных за год мобилизаций и оргмероприятий состав германской армии достиг уже 229–242 дивизий, в том числе 15–17 танковых и 8–10 моторизованных¹⁶⁶.

Из этой общей массы от 112 до 120 дивизий (включая 15–16 танковых и моторизованных) находились на востоке – на нашей границе, на территории Восточной Пруссии, Польши, Словакии, Венгрии, Румынии, Прикарпатской Украины¹⁶⁷.

Точные указания на то, сколько, каких и где дивизий находится, уже давали полную возможность определить, что центр тяжести в группировке вооруженных сил гитлеровской Германии на ноябрь 1940 года переместился с запада на восток.

Как свидетельствует упомянутая разведывательная сводка № 8, собственно на Западном фронте на 15 ноября вермахт имел: 38 дивизий (из них 2 танковые) в районе Брест, Шербур, Кале, Роттердам и восточнее, 10–11 дивизий в Норвегии, 6–8 дивизий на швейцарской границе и 12–14 дивизий стояли вдоль западного морского побережья Франции вплоть до стыка с Испанией. Итого: 66–71 дивизия вместо тех 124 дивизий (в том числе 12 танковых), с кото-

¹⁶⁵ Разведывательная сводка № 8, пункт «Изменения в стратегическом развертывании германской армии».

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Там же.

рыми 5 июня 1940 года сухопутные силы гитлеровской Германии начали, а к 22 июня 1940 года закончили победой свой второй и последний этап операции во Франции¹⁶⁸.

Большие мобилизационные мероприятия и новые формирования, активно продолжавшиеся в Германии и с началом 1941 года, дали нам основание доложить, что к апрелю 1941 года вооруженные силы Германии насчитывали уже «до 10 миллионов человек»¹⁶⁹. Если в феврале 1941 года мы предполагали, что «в результате этих мероприятий количество дивизий германской армии к весне 1941 года может быть доведено до 250–260 пехотных, 20 танковых и 15 моторизованных»¹⁷⁰, то к 1 июня 1941 года мы докладывали об этом уже утвердительно. В разведсводке № 5 говорилось, что на 1 июня 1941 года наземные вооруженные силы Германии имеют 286–296 дивизий, в том числе 20–22 танковых, 20–25 моторизованных, 4–5 парашотно-десантных, 4–5 авиадесантных, 15 горных и 16 дивизий СС.

Интересно сравнить сведения о количестве сосредоточенных против СССР германских дивизий к июню 1941 года по тогдашним сведениям нашего Разведупра и сегодняшним данным. Вот книга Издательства политической литературы «Армия Советская», тираж 100 тысяч. На 155–156 страницах читаем: «К весне 1941 года германская армия имела 214 дивизий, в том числе 21 танковую и 14 моторизованных... И вот из этих 214 испытанных, обстрелянных дивизий 153, в том числе 19 танковых и 14 моторизованных, было направлено на восток, к границам Советского Союза».

Что же доносило по этому поводу наше Разведывательное управление почти 30 лет тому назад? В той же разведсводке № 5 оно утверждало, что по состоянию на 1 июня 1941 года гитлеровское командование против Советского Союза уже имело сосредоточенными вдоль наших западных границ (считая Финляндию и Румынию) около 130–131 немецких дивизий с глубиной их расположения в 400 километров (то есть вплоть до района Данциг, Познань, Торн, Эльбинг). При этом в том же документе мы указывали, что «германское командование продолжает (подчеркнуто мной. – Ф.Г.) сосредоточение войск к пограничной полосе с СССР, производя массовые переброски частей из глубины Германии, оккупированных стран Западной Европы и Балкан». А в глубине Германии, как мы утверждали в этом же документе, главное военное командование гитлеровской Германии на 1 июня имело в своем общестратегическом резерве 44–48 дивизий. И уж во всяком разе минимум половина из них была предназначена против СССР.

Таким образом, общий состав сил гитлеровской Германии, развернутых и предназначенных для начала действий против Красной армии, на 1 июня 1941 года составлял не менее 150–155 немецких дивизий. Как совершенно очевидно, в этот подсчет не включено количество наземных дивизий и отдельных бригад тогдашних гитлеровских союзников – Румынии, Венгрии и Финляндии. Их численность нам была известна точно, как верно говорится в упомянутой книге «Армия Советская» на стр. 156, «в общей сложности против Красной армии стояло в полной готовности 190 дивизий...»

Точность наших данных – результат исключительной добросовестности военных разведчиков на местах и специальных проверок получаемых сведений работниками Разведупра.

Кроме выявления всей массы немецких войск в общестратегическом плане, по тому, как их группировки были нацелены для действий против СССР по операционным направлениям, удалось определить и состав этих группировок.

Не лишне хотя бы на трех примерах показать, сколь тщательным и квалифицированным был контроль и наших друзей, и наших сотрудников над немецкими войсками на территории

¹⁶⁸ Данные о 124 дивизиях (в т. ч. 12 танковых) см.: Вторая мировая война. М., 1958. С. 86. (Примеч. Ф. И. Голикова.)

¹⁶⁹ Из разведывательной сводки № 3, апрель 1941 г.

¹⁷⁰ Разведывательная сводка № 1, февраль 1941 г.

Польши, Восточной Пруссии и Словакии в период подготовки гитлеровцев к вторжению в нашу страну.

Пример первый. Из общей численности в 105–107 дивизий, к 1 июня уже находившихся здесь, были точно зафиксированы места расположения штабов семи армий, двадцати двух корпусов и семидесяти пяти дивизий. Номера дивизий и армий были установлены в подавляющем большинстве, а номера корпусных управлений – наполовину.

Пример второй. Уже к концу 1940 года в поле нашего зрения попали факты и маршруты оперативно-стратегических рекогносцировок представителей верховного немецкого командования на территории Польши по планам военных действий против СССР. Из нашего документа – разведывательной сводки № 1 за 1941 год – можно узнать, что фельдмаршалы Браухич и Лист в ходе такой поездки посетили города Варшаву, Радом, Люблин, Сувалки, Остроленку, Холм, Томашев и Санок (это совсем недалеко от Львова!), а генерал-полковник Кюхлер с тем же фельдмаршалом Листом побывал в местечке Гибы Сувалкского района.

Пример третий. Для апреля 1941 года характерен усиленный подвоз немецким войскам, сосредоточивавшимся против СССР, средств материально-технического обеспечения. И наша сводка № 3 за апрель сообщает о том, как из глубины Германии шел поток грузов с боеприпасами, горючим и смазочными материалами.

Хотелось бы подчеркнуть, что наши возможности в разведке вооруженных сил Германии были не только на периферии гитлеровского рейха, скажем на территории Польши, Румынии, Болгарии, Словакии и т. д. Нет! Прежде всего – в самой Германии, начиная от пограничной зоны и вплоть до Берлина.

Я уже говорил, что мы опирались на помощь большого числа добровольных помощников из трудовых слоев населения как самой Германии, так и оккупированных ее армией стран. Это были простые, бескорыстные и честные люди, которые независимо от партийной принадлежности, вероисповедания, социального положения бесстрашно встали в ряды движения Сопротивления и сделали их многомиллионной силой. «Кто же были они, эти люди?» – задает вопрос, например, газета «Известия» в статье «Бессмертие павших». И справедливо отвечает: «Ученые и рабочие, артисты и инженеры, военнослужащие и врачи. Бывший министр социал-демократического правительства Пруссии в годы Веймара Адольф Гримме, человек, далекий от коммунизма, писал уже в наши дни об этих антифашистах: “Это была лучшая кровь Германии, подлинная ее элита, элита и по своим личным качествам, и по политическим талантам, и по дальновидности, и по истинно национальному самосознанию”»¹⁷¹.

Приведу пример. «Красная капелла» – под таким кодовым названием значилась в секретных нацистских документах подпольная антифашистская организация Шульце-Бойзена – Харнака. Она составила одну из самых ярких и славных страниц в истории антифашистской борьбы в Германии. Ее боевые группы к середине 1942 года насчитывали свыше двухсот человек. Некоторым участникам организации удалось устроиться на работу в те или иные нацистские учреждения. Это давало им возможность своевременно узнавать о планах гитлеровского руководства и использовать полученную информацию в целях антифашистской пропаганды. Так, Шульце-Бойзен приводил в своих листовках секретные сведения, которые добывал, работая в главном штабе ВВС. Его жена Либертас информировала подпольщиков о деятельности министерства пропаганды, где состояла внештатной сотрудницей. Гюнтер Вайзенборн¹⁷² устроился редактором последних известий берлинского радио, Мильдред Харнак – преподавательницей Берлинского университета. Арвид Харнак благодаря своему высокому посту в министерстве экономики получал важные материалы, касающиеся вопросов военного производства. В

¹⁷¹ Колосов Л., Петров Н. Бессмертие павших // Известия. 1969. 7 октября.

¹⁷² Речь идет о немецком писателе-антифашисте, участнике движения Сопротивления Г. Вайзенборне. (Примеч. сост.)

руки подпольщиков попадало все больше доказательств подготовки нападения гитлеровской Германии на Советский Союз¹⁷³.

Именно потому, что мы опирались на таких благородных и самоотверженных людей, у нас не было провалов, а имелась реальная возможность следить за состоянием германской экономики, иметь основные данные о военно-воздушных силах, бронетанковых войсках, о развитии всех видов артиллерии, о широком размахе военно-инженерной подготовки Восточного театра военных действий Германии против СССР.

Кстати сказать, строительство дорог, укрепленных районов и полос заграждения военизированной организацией Тодта с наступлением 1941 года особенно усилилось. Вопросы германской экономики в наших разведывательных сводках только за один 1940 год освещались шесть раз.

Естественно желание сопоставить эти данные нашего Разведупра с тем, что написано в книге генерала гитлеровского вермахта Курта Типпельскирха «История Второй мировой войны»: «К 22 июня, дню начала наступления, в районах стратегического развертывания было сосредоточено: 81 пехотная дивизия, 1 кавалерийская дивизия, 17 танковых, 15 моторизованных, 9 полицейских и охранных дивизий. В качестве резервов главного командования на подходе находились еще 22 пехотные, 2 танковые, 2 моторизованные дивизии и 1 полицейская дивизия»¹⁷⁴. Итого: 150 дивизий.

По этому же вопросу приведу цитату из книги коллектива военных историков «Вторая мировая война 1939–1945 гг.»: «Немецко-фашистские войска (с учетом резерва главного командования, не считая пяти немецких дивизий, находившихся в Финляндии, а также войск союзников) были расположены по направлениям, границы которых указаны выше¹⁷⁵. На главном направлении, в центре фронта, располагались 62 дивизии и две бригады, или около 43 %, на южном участке фронта – 54 дивизии, или до 36 %, и на северном участке фронта – 31 дивизия, или 21 %»¹⁷⁶. Итого: 152 немецкие дивизии (с пятью, располагавшимися в Финляндии).

Наконец, официальным свидетельством по данному вопросу является сказанное в книге «50 лет Вооруженных сил СССР»: «Для нападения на Советский Союз выделялось 153 дивизии, в том числе 33 танковые и моторизованные...»¹⁷⁷.

Не вызывает сомнения, что Генеральный штаб Красной армии знал данные Разведупра о германской армии, изучал их и учитывал в своих оперативных разработках. В подтверждение сошлюсь на некоторые источники. Вот что говорится в книге «Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»: «Генеральный штаб Советской армии имел достаточно полные сведения о наращивании сил противника у наших западных границ. Согласно разведывательным сводкам, на 1 февраля 1941 г. Германия имела у наших западных границ 66 дивизий, на 20 апреля их было уже 84–89, а на 1 июня – 120–122, в том числе 14 танковых и 13 моторизованных (Разведсводка РУ ГШ по Западу № 5 от 15 июня 1941 г.). Кроме того, считалось, что против СССР развернуто до 16 дивизий и 7 бригад румын, а также до 16 дивизий и 3 бригады финнов. Более скудными были данные о численности и группировке авиации противника»¹⁷⁸.

Совершенно очевидно, что здесь не приняты во внимание немецкие дивизии, развернутые на 1 июня 1941 года на наших границах с территорией Румынии и Финляндии.

¹⁷³ Подробнее см.: Лавров А. Они сражались с фашизмом // Правда. 1969. 8 октября.

¹⁷⁴ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М., 1956. С. 169.

¹⁷⁵ Об этом см.: Вторая мировая война 1939–1945 гг.: Военно-исторический очерк. М., 1958. С. 140–142. (Примеч. сост.)

¹⁷⁶ Вторая мировая война 1939–1945 гг.: Военно-исторический очерк. М., 1958. С. 143.

¹⁷⁷ 50 лет Вооруженных сил СССР. М., 1968. С. 249.

¹⁷⁸ Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 159.

В той же книге на стр. 99 силы Германии на 15 мая 1941 года оценивались следующим образом: всего около 284 дивизий, из них танковых – 22, моторизованных – 20. По состоянию на это же число у нашей границы считались сосредоточенными 120 дивизий (в том числе танковых – 13, моторизованных – 12).

Здесь же указывалось, что всего Германия для войны против СССР может выставить до 180 дивизий (в том числе танковых – 19, моторизованных – 15), а с учетом войск Финляндии (до 20 пехотных дивизий), Венгрии (до 15 пехотных дивизий) и Румынии (до 25 пехотных дивизий) против СССР может быть развернуто до 240 дивизий.

В капитальном труде «50 лет Вооруженных сил СССР» на стр. 250–251 приводятся важные данные о мероприятиях Наркоматов обороны и Военно-морского флота по ускоренному повышению боеспособности Вооруженных сил. Так, «весной 1941 года Генеральным штабом совместно со штабами военных округов и флотов был разработан план обороны государственной границы 1941 года.

В феврале 1941 года правительством был утвержден план мобилизации Вооруженных сил, соответственно которому в округах и войсковых штабах в течение мая – июня был проведен ряд мобилизационных мероприятий. В начале июня проводится учебный сбор, по которому в воинские части вызываются 755 тыс. человек приписного состава и 38,5 тыс. направляются в укрепленные районы приграничных округов.

Учитывая дальнейшее нарастание угрозы войны, по указанию советского правительства, Генеральный штаб в мае – июне 1941 года начал передислокацию ряда дивизий и корпусов приграничных округов ближе к границе; командование приграничных округов получает указание немедленно приступить к строительству фронтовых командных пунктов и форсировать строительство укрепленных районов. Во второй половине мая – начале июня начинается выдвижение на запад войск из внутренних военных округов.

14–19 июня командование приграничных округов получает указания вывести фронтовые (армейские) управления на полевые пункты, а 19 июня – приказ о маскировке аэродромов, воинских частей и военных объектов. Флоты и флотилии получили указания повысить боевую готовность и усилить корабельные дозоры.

Таким образом, учитывая сведения о приготовлениях Германии к нападению на СССР, поступающие из различных источников в Москву, и данные военной разведки о сосредоточении большого количества войск противника у наших западных границ, советское правительство и военное командование в первой половине 1941 года провели целый ряд крупных мероприятий, которые имели важное значение для повышения боевой готовности наших Вооруженных сил. Но многих мероприятий к началу войны завершить не удалось».

Несомненно, заслуживает большого внимания непосредственное свидетельство крупного участника событий предвоенных дней – Маршала Советского Союза М. В. Захарова, до войны начальника штаба Одесского военного округа. Вот что он пишет в своей книге «Накануне великих испытаний»: «С апреля 1941 г. в приграничных районах появились вполне определенные признаки осложнения обстановки. Из разведывательных сводок Разведывательного управления Генерального штаба командованию округом было известно о непрерывном увеличении количества немецких войск в Польше за счет переброски их из Франции и о появлении соединений немецко-фашистских войск на территории Румынии...»¹⁷⁹.

Не сомневаюсь, что это же мог написать или подтвердить каждый начальник штаба всех наших военных округов от Баренцева до Черного моря.

Это тем более несомненно, что все штабы наших приграничных округов имели сильную фронтовую разведку как в пограничной полосе, так и на глубину в несколько сот километров.

¹⁷⁹ Захаров М. В. Накануне великих испытаний. М., 1968. С. 154.

А о том, какой была обстановка в пограничной полосе, достаточно ясно говорят строки I тома «Истории Великой Отечественной войны»: «Из разных источников (от органов советской разведки, пограничной службы, от дипломатических представительств, многочисленных зарубежных друзей Советского Союза, в особенности из Польши, Румынии, Чехословакии, Финляндии, Венгрии, а также из самой Германии) поступали неопровержимые данные, свидетельствовавшие о крайне опасном положении, создавшемся у границ СССР в результате действий гитлеровской Германии»¹⁸⁰.

Теперь, спустя много лет, когда вся многогранная деятельность разведки того времени многократно и тщательно проверена и перепроверена жизнью, временем, документами, свидетельствами очевидцев, специальными комиссиями, действительными и мнимыми историками, можно с непоколебимой уверенностью сказать, что наша военная разведка с честью и достоинством выполнила стоявшие перед ней задачи. И никто и никогда не сумеет умалить ее заслуги или опровергнуть значение ее работы в деле общей победы над врагом. В этом состоит величайший подвиг советской военной разведки, который навсегда войдет славной страницей в историю наших Вооруженных сил.

В исторической литературе можно встретить противоречивые и часто искаженные суждения о роли нашей военной разведки перед Великой Отечественной войной. Иногда даже, намеренно или ненамеренно, руководителям военной разведки приписывают действия, каких на самом деле не было и не могло быть. В частности, что наша военная разведка будто бы давала И. В. Сталину неправильную информацию о готовящемся нападении гитлеровской Германии на Советский Союз, что не докладывала всех данных Генеральному штабу, так как подчинялась лично Сталину. Все это является вымыслом. В действительности же дело обстояло так.

Во-первых, военная разведка сумела своевременно вскрыть и доложить политическому и военному руководству страны истинные планы и замыслы врага, установить его конкретные намерения. В сложной, резко меняющейся обстановке военная разведка, несмотря на один раз допущенную серьезную ошибку в выводе¹⁸¹, не дала противнику себя запутать в хитросплетенные сети дезинформации, а последовательно, шаг за шагом и всегда своевременно докладывала руководству о подлинных планах врага, его главных усилиях. В этом отношении венцом деятельности нашей военной разведки надо считать своевременное раскрытие содержания плана «Барбаросса» и его главных элементов.

Во-вторых, нашей военной разведке удалось установить и раскрыть не только планы врага и его намерения, но и сроки их осуществления, несмотря на неоднократные их переносы. Венцом деятельности разведки в этом отношении является своевременное установление возможных сроков нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, сроки осуществления того же плана «Барбаросса».

В-третьих, советская военная разведка с поразительной для разведки точностью своевременно и полно вскрыла общий состав и группировку вооруженных сил гитлеровской Германии перед нападением, ее дислокацию и нумерацию основных соединений.

В-четвертых, с началом войны, несмотря на колоссальные организационные и технические трудности и потери, наша военная разведка сумела быстро перестроиться на военный лад, резко усилить ее оперативное звено, правильно нацелить все остальные звенья на решение главных задач и успешно обеспечивать разведывательными данными политическое и военное руководство в новых условиях.

Таковы факты, которые неопровержимо и убедительно доказываются многочисленными архивными документами и свидетельствами очевидцев. Конечно, я далек от мысли приписы-

¹⁸⁰ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: В 6 т. М., 1960. Т. I. С. 403.

¹⁸¹ 81 Очевидно, имеется в виду вывод, сделанный в докладе Ф. И. Голикова в НКО СССР от 20 марта 1941 г. См. документ № 34. (Примеч. сост.)

вать себе какие-то заслуги. Все, что говорилось о разведке выше – результат работы не одного какого-либо лица и даже не группы лиц, пусть наделенных нечеловеческими разведывательными способностями. Это результат работы огромного коллектива как в центре, так и за рубежом, как легалов, так и нелегалов, имена многих из которых все еще остаются неизвестными. И конечно, это результат деятельности не одной военной разведки, а всех разведывательных служб Советского государства в целом. Наконец, надо иметь в виду, что основы успеха разведки были заложены задолго до 1940-х годов, еще на заре создания советской военной разведывательной службы.

На посту начальника военной разведки мне довелось проработать немногим более года. Отрезок времени в моей многолетней трудовой жизни, как и в жизни любого человека, совсем недолгий. Но его значение, конечно, не может быть измерено одним лишь временем. Работу на посту начальника Разведывательного управления я расцениваю как один из самых важных этапов всей моей жизни. Это объясняется прежде всего тем, что мне доверили возглавить военную разведывательную службу в самый сложный и, пожалуй, наиболее критический момент ее деятельности – накануне Великой Отечественной войны. Именно в этот период наша военная разведка держала государственный экзамен.

С самого начала своей службы в разведке и до конца первой своей обязанностью я считал заботу о кадрах, в особенности о нелегальных разведывательных кадрах. Я хорошо представлял, какой бесценный клад для нашей страны составляют преданные и всесторонне подготовленные кадры советских разведчиков, и делал все, чтобы создать этим людям все условия для уверенности в успешной работе, чтобы сохранить их.

И все же разведка несла неизбежные потери, потому что вела непрерывную войну, а вести войну без потерь невозможно. Гибли, к сожалению, замечательные люди, в том числе такие, как Рихард Зорге. Кстати говоря, Зорге был арестован 18 октября 1941 года, тогда как я с непосредственной работы в РУ ушел в первых числах июля того же года.

Не могу не подчеркнуть тот факт, что за время моей службы в разведке почти не было отсева и текучести разведывательных кадров. Коллективу управления была присуща деловая обстановка. Строгая требовательность и высокая принципиальность сочетались с товарищеским, чутким отношением друг к другу. Именно в этот период были присвоены воинские звания ряду работников РУ. Уже в первые дни войны многие наши разведчики, по ходатайству командования РУ и фронтов, были отмечены высокими правительственными наградами.

И хотя с того времени, как я ушел с поста начальника Разведывательного управления, прошло почти тридцать лет и я работал на этом посту недолго, у меня все еще сохраняются теплые дружеские отношения со многими товарищами, кто работал в одно время со мной. И мы вспоминаем о той нашей совместной работе, как о самом дорогом и незабываемом.

Работа в разведке оставила глубокий, неизгладимый след в моей жизни.

В роли дипломата

Прошло две недели со дня вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. На фронте шли ожесточенные, кровопролитные бои. Советские воины, проявляя чудеса стойкости, отваги и мужества, грудью отстаивали каждую пядь родной земли.

В эти тревожные дни советское правительство поручило своей военной миссии выехать в Англию для ведения переговоров по вопросу поставок в СССР военных материалов и оказания другой необходимой помощи. Вместе с автором этих строк, занимавшим тогда пост начальника Разведывательного управления – заместителя начальника Генерального штаба Красной армии, в далекий путь направились контр-адмирал Н. М. Харламов, полковник Г. П. Пугачев, полковник В. М. Драгун, майор А. Ф. Сизов и военный инженер 3-го ранга П. И. Баранов. Позднее в Лондоне к нам присоединились советский военный атташе полковник И. А. Склад-

ров и его помощник майор Б. Ф. Швецов. В ту трудную пору, когда Красная армия вынуждена была отступать под ударами агрессора, очень не хотелось покидать Родину! К тому же полученное задание было несвойственно всему моему жизненному опыту. Следует также учесть, что никто из нас за границей еще не был.

В период кратковременной подготовки миссии у меня были встречи с наркомом иностранных дел В. М. Молотовым, начальником Генерального штаба Б. М. Шапошниковым¹⁸², наркомом обороны С. К. Тимошенко и наркомом внешней торговли А. И. Микояном.

Все эти беседы оказались полезными, ведь миссия не могла действовать без активного участия в ее работе советских заграничных органов: посольств, консульств, торговых представительств, военных атташе.

Незадолго до отъезда меня принял председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин. Беседа продолжалась около двух часов. В ходе ее мне были даны указания ЦК ВКП(б) и советского правительства о задачах и характере работы миссии в Англии. Речь шла о том, какие именно виды вооружения и материалов следовало включить в нашу заявку во время бесед с представителями высших английских правительственных и военных кругов, что нам особенно необходимо и с какой срочностью.

Исходя из первоочередных потребностей фронта, было решено конкретно поставить вопрос о приобретении зенитных орудий калибра 20, 25 или 27 мм, противотанковых орудий, 12,7-мм пулеметов и 7,62-мм винтовок. Вместе с тем мы испытывали потребность в самолетах, особенно бомбардировщиках, в авиационных бомбах, а также в броне, горючем и некоторых других стратегических материалах.

Важное место в беседе занял вопрос о размерах и характере английской помощи Советскому Союзу в целом в войне против общего врага – гитлеровской Германии. Суть позиции советского правительства, как она была изложена руководству советской военной миссии, заключалась в том, чтобы обратиться к правительству Великобритании, как союзнику по антигитлеровской коалиции, с предложением открыть военные действия против Германии в Европе, а также оказать помощь СССР военными материалами.

Конкретно нам было поручено поставить вопрос перед английским правительством о последовательном осуществлении следующих операций:

Операция № 1 – создание общего с англичанами фронта на Севере (в Арктике). На этот фронт англичане могли бы направить военно-морские и военно-воздушные силы, а Советский Союз – военно-морской флот, авиацию и несколько дивизий сухопутных войск. Советское правительство считало целесообразным занятие союзниками в ближайшее время островов Шпицберген и Медвежий, что было необходимо для обеспечения морских коммуникаций между СССР и Англией, а также Соединенными Штатами Америки.

Операция № 2 – высадка значительного контингента английских войск на севере Франции. При обсуждении этого пункта И. В. Сталин от имени советского правительства поручил нам передать правительству Англии благодарность за действия английской авиации, наносящей бомбовые удары по гитлеровской Германии. Но этого, сказал он, мало. Советские люди хотели бы со стороны Великобритании осуществления «французской операции», т. е. высадки английских войск на французской территории, если не сейчас, то хотя бы через месяц. Операция на Севере, о которой речь шла выше, это лишь крайний минимум, который к тому же нужно осуществить как можно быстрее. Советский народ, повторил И. В. Сталин, хотел бы большей помощи, чем та, которую получает он сейчас; а если они, т. е. союзники, не могут сделать большего, то какая же это помощь?

¹⁸² Заместитель наркома обороны СССР, Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников был вновь назначен начальником Генерального штаба Красной армии 29 июля 1941 г. (Примеч. сост.)

Операция № 3 – боевые действия английских войск на Балканах. Но по срокам проведения и привлекаемым силам этой операции должно быть отведено второстепенное место по сравнению с боевыми действиями на Западе.

Эта точка зрения советского правительства по вопросу о втором фронте в Европе нашла свое отражение в обращении председателя Совета народных комиссаров СССР к премьер-министру Великобритании 18 июля 1941 года. В этом обращении говорилось: «Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию. Создание такого фронта было бы популярным как в армии Великобритании, так и среди всего населения Южной Англии. Я представляю трудность создания такого фронта, но мне кажется, что, несмотря на трудности, его следовало бы создать не только ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии»¹⁸³.

Заканчивая беседу, И. В. Сталин просил от имени советского правительства и всего советского народа передать западным союзникам, что мы будем драться до конца, что немецко-фашистским захватчикам все равно нас не сломить. Однако, подчеркнул он, Красной армии нужна реальная помощь со стороны союзников, – помощь прежде всего открытием военных действий против Германии на Западе, а также военными материалами.

В соответствии с общим характером и конкретным содержанием поставленных задач военная миссия должна была сама определить методы своей деятельности, учитывая обстановку на месте. Все говорило за то, что миссия, будучи военной, в то же время неизбежно выйдет за свои узковедомственные рамки.

6 июля 1941 года на самолете «Дуглас» советская военная миссия вылетела из Москвы. Это произошло во второй половине дня. В поездке нас сопровождал английский вице-маршал А. Кольер. В 9 часов вечера мы прибыли на аэродром Ягодник, расположенный в 25 километрах от Архангельска, где нас встретил начальник штаба Архангельского военного округа комбриг Д. Я. Григорьев.

Мы были приняты на корабле «Красная Звезда». Поужинав и немного отдохнув, ночью отправились в дальнейший путь на английских летающих лодках «Каталина». Полет продолжался около двадцати часов, и 7 июля вечером мы произвели посадку в английском гидропорту Инвергордон (Шотландия). Поздно вечером того же дня поездом выехали в Глазго, куда приехали на следующий день утром. До отъезда в Лондон у нас оставалось всего лишь два часа, чтобы бегло осмотреть центр Глазго – одного из крупнейших городов Шотландии, известного высокоразвитой промышленностью, прежде всего машиностроением. В 10 часов утра по местному времени наша группа направилась дальше и вечером 8 июля прибыла в столицу Великобритании.

На лондонском вокзале Юстон советскую военную миссию встречали посол Советского Союза в Великобритании И. М. Майский, сотрудники посольства, а также официальные представители английского генерального штаба, главного морского штаба и главного штаба военно-воздушных сил. Среди встречающих, в частности, были заместитель начальника имперского генерального штаба генерал-лейтенант Г. Паунелл, заместитель начальника главного морского штаба вице-адмирал Т. Филиппс и заместитель начальника главного штаба ВВС вице-маршал авиации Н. Боттомли.

Надо сказать, что встреча советской военной миссии в Лондоне была теплой и сердечной. В этом проявилось огромное уважение простых англичан к советским людям, которые вели мужественную, кровопролитную борьбу против гитлеровских полчищ, не щадя сил и самой жизни отстаивали социалистическую Родину от иноземных захватчиков.

¹⁸³ Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: 2 т. М., 1957. Т. 1. С.11.

Я очень хорошо помню эту встречу, как будто все происходило только вчера. Это не было каким-то организованным митингом. На привокзальной площади собралась громадная толпа людей, пришедших сюда по собственной воле. Усилия полицейских, пытавшихся заглушить силу народного энтузиазма, не увенчались успехом. Сотни людей с пением «Интернационала» и красными транспарантами в руках устремились на перрон. Из толпы слышались возгласы: «Welcome» («Добро пожаловать»).

Корреспондент американской газеты «Дейли уоркер» так описывал эту встречу: «Собравшиеся на вокзале кричали: “Да здравствует единство британского и советского народов!” Женщины прорвали цепь полицейских и окружили членов советской военной миссии... Демонстранты начали петь “Мы – красная кавалерия...” и салютовали сжатыми кулаками... Когда члены миссии стали отъезжать, встречающие провозглашали лозунги: “Да здравствует единство британского и советского народов!”, “Долой Гитлера!” “Да здравствуют Советы!”»¹⁸⁴.

8 июля 1941 года, в день нашего прибытия в Лондон, премьер-министр Великобритании У. Черчилль в личном послании И. В. Сталину писал: «Мы приветствуем прибытие русской военной миссии с целью согласования будущих планов». «Мы сделаем все, чтобы помочь вам». Правда, тут же следовала оговорка: «Поскольку это позволят время, географические условия и наши растущие ресурсы»¹⁸⁵.

Приезд советской военной миссии в Лондон довольно широко отмечался английской печатью. В своем большинстве газеты делали это в благожелательном для Советского Союза тоне. «Советская миссия прибыла в то время, когда сила и упорство сопротивления, которые оказывают русские немцам, признается во всех частях мира, включая и Германию», – писалось в одной из них. «Русский солдат воюет с такой же стойкостью, как и двадцать пять лет назад, но сейчас он воюет с большим искусством и инициативой, он значительно лучше вооружен и более глубоко понимает, за что сражается», – отмечали другие. Да, в эти часы мы воочию убедились, что Советский Союз не одинок в своей борьбе с гитлеризмом.

Но было и другое. Как только мы прибыли в Англию, нам бросилось в глаза, что английская общественность, в том числе и близкие к правительству круги, была крайне скудно осведомлена о событиях на советско-германском фронте. Английская печать, кроме официальных сообщений Совинформбюро, почти не публиковала никаких других материалов о Советском Союзе, о единстве, готовности и решимости советского народа драться с фашистскими захватчиками до полной победы. Хуже того, в некоторых газетах можно было встретить сообщения, в которых грубо искажалось действительное положение на советско-германском фронте, преувеличивались успехи вермахта и неудачи Красной армии.

В газетах много было ненужной трескотни, шумихи, сенсационных сообщений, в том числе и в связи с прибытием и деятельностью в Англии советской военной миссии. В печати высказывались самые различные предположения и домыслы о задачах и характере ее работы и переговорах с английскими представителями. Так, одна из лондонских газет 10 июля 1941 года писала, что важнейшей помощью Англии Советскому Союзу будет отправка истребителей (как один из основных пунктов, который входит в программу работы советской миссии), но при этом, писала газета, ожидаются трудности с доставкой. В тот же день другая – вечерняя газета – поторопилась сообщить читателям, что военные материалы будто бы уже находятся на пути из Англии в СССР. Министерство экономической войны, писала газета, якобы уже заявило о заключении соглашения с Советским Союзом о посылке большого количества военных материалов. Все это было, конечно, очень далеко от действительности. Некоторые английские газеты не удержались и от соблазна дать персональные характеристики лицам из состава

¹⁸⁴ Дейли уоркер. 1941. 9 июля.

¹⁸⁵ Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: В 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 9.

советской военной миссии, не останавливаясь при этом перед домыслами и прямой фальсификацией.

Утром 9 июля советская военная миссия направилась в министерство иностранных дел Англии, где советский посол И. М. Майский представил нас министру иностранных дел Великобритании Э. Идену. Перед нами был высокий, статный мужчина, один из лидеров консервативной партии, ставший известным английским государственным деятелем и дипломатом. Вместе с ним были А. Кадоган – постоянный заместитель министра иностранных дел и Р. Батлер – ответственный сотрудник министерства. Прием проходил в торжественной обстановке.

После того как миссия была официально представлена, состоялось совещание. Оно продолжалось около часа. В совещании участвовали с нашей стороны – посол И. М. Майский, контр-адмирал Н. М. Харламов и я. Английская сторона была представлена Э. Иденом и А. Кадоганом.

В самом начале совещания я от имени правительства СССР заявил о твердой решимости советского народа вести освободительную войну против фашистской Германии, подчеркнул, что гитлеровским захватчикам не сломить волю советских людей к достижению победы над врагом. Было заметно, что это заявление произвело большое впечатление на Э. Идена, – он сказал, что немедленно поставит о нем в известность премьер-министра Великобритании. Между прочим, Иден сказал Майскому, что не исключена возможность приема советской военной миссии У. Черчиллем. Но эта встреча, к сожалению, не состоялась по независящим от нас причинам.

Далее я подчеркнул необходимость максимального наращивания участия Англии в борьбе против фашистской Германии и оказания ею помощи Красной армии; что эта помощь на данном этапе войны, на наш взгляд, должна была бы выразиться прежде всего в незамедлительном проведении совместных боевых действий Англии и СССР на севере Европы, в районе Арктики. Мы также хотим, чтобы английская авиация существенно усилила мощь своих бомбовых ударов по военным объектам гитлеровской Германии, в том числе и в Берлине. Кроме того, хотелось бы получить от англичан необходимую помощь материальными и техническими средствами ведения войны. Но самое главное и основное, чего ждут советские люди от союзников, – это открытие второго фронта в Европе путем высадки значительного контингента английских войск на севере Франции. Последнее создало бы значительные трудности для фашистской Германии и заметно облегчило бы положение Советского Союза и его армии.

В этом состояла суть точки зрения Советского Союза по вопросу английской помощи, изложенная нами официально представителям правительства Великобритании. Иден в целом довольно сочувственно отнесся к высказанным ему предложениям и пожеланиям. Так, по крайней мере, можно было судить по его словам. Вместе с тем, сославшись на свою некомпетентность в военных вопросах, он высказался за то, чтобы мы обсудили эти вопросы с начальниками главных штабов английских вооруженных сил. Если же появятся какие-то трудности и препятствия, то следует вновь обратиться к нему. Со своей стороны Иден обещал сделать все, что в его силах и возможностях, чтобы ничто не помешало успешному решению этих важных вопросов. Что же касается открытия второго фронта в Европе, то высадка английских войск во Франции потребует известного времени на подготовку. Ситуация для осуществления подобной операции, по мнению Идена, еще не созрела. Он лишь обещал передать содержание беседы премьер-министру. А нам посоветовал встретиться с руководителями военных ведомств.

Встреча с Э. Иденом в основном оставила благоприятное впечатление у сотрудников миссии. Он проявил значительный интерес к событиям на советско-германском фронте, а также к предстоящей работе советской военной миссии и предложил, чтобы мы, когда потребуется, не стесняясь, обращались к нему. Складывалось впечатление, что в реализации интересовавших нас вопросов можно было рассчитывать на поддержку с его стороны.

В 11 часов 30 минут советская миссия в полном составе была принята военным министром Генри Моргенсоном. Прием прошел сугубо формально и практически ничего не дал. К тому же бросались в глаза политические антипатии и нежелание военного министра Англии видеть Красную армию своим боевым союзником.

Сразу после обеда мы встретились одновременно со всеми тремя начальниками главных штабов английских вооруженных сил: генерального штаба – генералом Дж. Диллом, военно-воздушных сил – вице-маршалом авиации Ч. Порталом и начальником штаба военно-морских сил – адмиралом Д. Паундом. Мы явились к ним с намерением прямо и искренне обсудить наши вопросы. Эта важная беседа с самого начала была достаточно острой, напряженной и, с моей точки зрения, весьма характерной. Сказать, что поведение наших партнеров на протяжении всей беседы было подчеркнуто формальным – значит сказать очень мало. Дело обстояло значительно хуже: чувствовалось полнейшее отсутствие у них всякого желания пойти навстречу нашим предложениям. Вел заседание генерал Дж. Дилл, по возрасту намного старше меня. Он мало говорил, старался быть ровным. Порою, чтобы смягчить остроту создавшегося положения, слегка улыбался, произносил примиряющие слова, делал успокоительные жесты. С одной стороны, он стремился, как старый военный служака, проявить какую-то близость к нам, а с другой – обнаруживал заведомую неблагоприятность к нашим предложениям. Временами он это выказывал краткой репликой, как бы давая мне понять: «Молодо-зелено!» Адмирал Д. Паунд то и дело срывался, вскипал, выражал нетерпение, правда, удерживался в рамках приличия. Внутренняя неприязнь к советским людям – вот что сквозило в поведении Паунда. Было похоже, что ему отводилась роль первой скрипки в ходе совещания. Вице-маршал авиации Ч. Портал особой активности не проявлял.

Когда вспоминаешь об этом совещании и вдумываешься в позицию и поведение английских военных руководителей, то приходишь к выводу, что их отношение к советским предложениям было заведомо отрицательным. Они не верили в успех борьбы Красной армии. Английское военное руководство, как теперь широко известно, в то время уже имело согласованные с США планы и не намеревалось вносить в них коррективы, несмотря на то что с вступлением Советского Союза в войну положение коренным образом изменилось. Главное в этих планах состояло в том, чтобы сдержать наступление вермахта за пределами Европы, поскольку после переноса основных военных действий на советско-германский фронт угроза вторжения на Британские острова отпала на длительное время. Поэтому к вопросу о сотрудничестве английских вооруженных сил с Красной армией английские военные руководители подходили прежде всего с позиции того, насколько это соответствовало выполнению их замыслов.

К исходу столь напряженного дня состоялось еще одно полуторачасовое совещание с заместителями начальников штабов. В его работе с английской стороны приняли участие генерал-лейтенант Паунелл, вице-адмирал Филиппс и вице-маршал авиации Боттомли. Присутствовали также оперативные работники английских штабов. Здесь атмосфера была достаточно деловой.

В большей своей части это совещание было посвящено практическому обсуждению вопросов, связанных с проведением совместных боевых действий английских и советских войск на Севере: на морских коммуникациях, а также в районах островов Шпицберген, Медвежий и Мурманска. Мы поставили вопрос о том, чтобы в этой операции английская сторона участвовала своей авиацией и военно-морскими силами. Конкретно речь шла о выделении англичанами 200–300 самолетов и 10 военно-морских кораблей, преимущественно подводных лодок. Советский Союз в этой операции, как уже отмечалось, должен был участвовать совместными силами авиации, военно-морского флота и сухопутных войск.

Примечательно, что в ходе совещания англичане со всем соглашались, высказывали полное удовлетворение разъяснениями, которые мы давали, мотивами и ответами на поставленные вопросы, выражали свою готовность помочь... Но дальше разговоров дело не шло. Больше

того, тут же выяснилось, что камнем преткновения в практическом осуществлении операции на Севере является вопрос о горючем. Уже тогда мы почувствовали, что данный вопрос может послужить причиной срыва или, по крайней мере, затяжки проведения операции. Советское правительство предвидело такой поворот событий и уполномочило нас заявить, что, несмотря на всю остроту положения с горючим в стране, в интересах быстрее проведения операции на Севере мы готовы помочь англичанам и горючим.

Во время беседы с англичанами мы придерживались доброжелательной линии, шли навстречу их просьбам. По поручению советского правительства военная миссия заявила английской стороне о нашей готовности сообщать данные об авиации противника, показать советские новые самолеты и дать возможность полетать на них, передать две радиостанции, а также предоставить возможность в подходящее время посетить наш фронт. К этому времени в Москве уже находилось 27 английских военных работников. Кстати говоря, их было в несколько раз больше, чем нас в советской военной миссии. Далее мы выразили готовность удовлетворить пожелания англичан и в вопросе о разрешении перелетов на советскую территорию английских дальних бомбардировщиков.

На совещании в первую очередь мы, естественно, поставили вопрос о высадке английских десантных войск в Северной Франции. Наши партнеры данное предложение обошли молчанием. Мы также высказались за значительное усиление налетов английской авиации на Германию. С этим английские представители в принципе согласились. В заключение совещания советская миссия вручила заместителям начальников штабов списки заказов на необходимые для СССР военные материалы.

Словом, последняя встреча этого дня вызвала у нас чувство некоторого удовлетворения – первый день в английской столице прошел все-таки не даром.

10 июля, в 10 часов 30 минут, посол И. М. Майский представил советскую военную миссию морскому министру Англии А. Александру. Это был видный представитель лейбористской партии и бизнесмен – владелец акций судостроительных компаний. Беседа с ним проходила в дружественной атмосфере, однако была далека от практических вопросов, связанных с работой советской военной миссии. Поэтому мы договорились встретиться дополнительно.

Вслед за этим мы были приняты министром авиации А. Синклером. В разговоре с ним затрагивался вопрос о воздушных бомбардировках Германии. Что касается других проблем, то Синклер ограничился приглашением обращаться к нему, когда это будет необходимо по ходу работы нашей миссии.

Вечером начальник имперского генерального штаба генерал Дж. Дилл устроил в гостинице «Ритц» коктейль в честь советской военной миссии. С советской стороны на вечере присутствовали посол И. М. Майский, сотрудники нашего посольства в Лондоне, а также военная миссия в полном составе. С английской стороны было много военных, в том числе генералов, занимавших видные посты в английской армии.

Позднее нам стало известно, что на вечере произошел важный и весьма примечательный разговор между И. М. Майским и начальником имперского генерального штаба Диллом по вопросу открытия второго фронта в Европе. Советский посол указал на назревшую необходимость высадки английского десанта на территории Франции. Стараясь уйти от этой темы, Дилл, как это тогда было принято в правящих кругах Англии, ссылаясь на трудности осуществления такой операции: большое количество немецких дивизий, расположенных во Франции, перебазирование туда с советско-германского фронта фашистской авиации и т. д. Понимая, однако, что невозможно отрицать целесообразность высадки английских войск на континенте, он пытался свести разговор к тому, что для этой операции, пожалуй, могло бы хватить трех-четырех английских дивизий. Так представлял себе один из ведущих английских военных руководителей масштабы предстоящего открытия второго фронта в Европе. И это в то время,

когда Красная армия, приняв основной удар гитлеровской военной машины, отвлекала на себя сотни немецко-фашистских дивизий.

На следующий день посол И. М. Майский, контр-адмирал Н. М. Харламов и я снова нанесли визит морскому министру Александру. С английской стороны присутствовал заместитель начальника главного морского штаба вице-адмирал Филиппс (с ним накануне поздно вечером встречался Н. М. Харламов). На этот раз основным предметом беседы было обсуждение практических вопросов, относящихся к проведению совместных боевых действий на Севере, в районе Мурманска.

Руководители военно-морского флота Англии, всячески подчеркивая свое дружественное отношение к Советскому Союзу, говорили о своей готовности участвовать в операции. Они, в частности, утверждали, что необходимые для нее боевые корабли уже находятся в определенном месте и задержки с их стороны не будет. Начальником морской экспедиции назначили молодого адмирала Вайна, с которым мы вскоре познакомились. Это был опытный моряк, не избалованный легкой жизнью, настоящий военный труженик. Командиром эсминца он отличился в морском бою и был произведен в контр-адмиралы. Без обиняков Вайн заявил нам, что от него требуется определить состав сил, доложить об этом английскому адмиралтейству и, в случае согласия последнего, возглавить операцию. Однако эти намерения англичане так и не провели в жизнь.

Поздно вечером состоялось собрание советской колонии в Лондоне. Я выступал с докладом о положении дел на советско-германском фронте. Надо было видеть, с каким неослабным вниманием слушали товарищи рассказ о героической борьбе Красной армии, как горячо и единодушно разделяли уверенность всего советского народа в победе над сильным и коварным врагом, посягнувшим на честь и независимость социалистической Родины.

На следующий день, 12 июля, я вместе с полковником В. М. Драгуном отправился в Москву для доклада советскому правительству о первых результатах работы военной миссии.

В середине дня мы выехали на аэродром, откуда самолетом вылетали в Глазго. 13 июля поднялись в воздух в гидропорту Клайд, неподалеку от Глазго, а поздно вечером взяли курс на Архангельск. Перелет был сложным, в районе Мурманска наш самолет попал в полосу сплошного тумана. Но 14 июля в 15 часов по местному времени мы вполне благополучно приземлились на знакомом уже аэродроме Ягодник. С рассветом следующего дня полетели дальше и в 8 часов утра 15 июля были уже в Москве.

Тем временем работа советской военной миссии в Англии продолжалась под руководством контр-адмирала Н. М. Харламова. В тот день, когда мы прилетели в Москву, в Лондоне состоялась встреча нашего посла и членов военной миссии с представителями английской печати. На этой встрече присутствовали И. М. Майский, контр-адмирал Н. М. Харламов и полковник Г. П. Пугачев. Они ответили на вопросы о положении на советско-германском фронте. Их рассказы о мужестве, непоколебимости и отваге советских людей, их твердой уверенности в победоносном исходе борьбы были тепло встречены подавляющим большинством журналистов. Эта встреча в какой-то мере способствовала более объективному освещению в английской печати обстановки на советско-германском фронте.

С этой точки зрения несомненный интерес представляла также встреча советской военной миссии с английской общественностью на завтраке в советском посольстве 16 июля 1941 года, который был дан в честь А. Александра – морского министра Англии. Когда советский посол, открывая прием, сказал, что в числе гостей находится военная миссия СССР, в зале раздались дружные аплодисменты. С ответным словом выступил Александр. Он, в частности, сказал о том решительном отпоре, какой дают гитлеровским полчищам советский народ и его армия. Эти слова английского министра были встречены присутствующими с большим одобрением. Не было никакого сомнения в том, что своей героической борьбой советские люди завоевывали все большие и большие симпатии английской общественности.

Вместе с тем результаты нашего первого визита в Англию были более чем скромными. Лишь 20 июля английское адмиралтейство направило в Советский Союз минный заградитель «Адвенчур», погрузив на него глубинные бомбы, магнитные мины, парашюты, зажигательные пластины и некоторые другие военные материалы.

В эти тревожные, очень тяжелые для советской страны дни от военной миссии в Лондоне продолжали поступать в Москву сообщения о том, что с поставками вооружения и других военных материалов Советскому Союзу дело идет очень туго, практическое решение вопросов наталкивается на всякого рода рогатки и препятствия, чинимые англичанами.

Советский посол в Англии И. М. Майский и оставшиеся в Лондоне члены военной миссии постоянно подчеркивали на встречах с представителями английского правительства, что обстановка в ходе Второй мировой войны после 22 июня 1941 года в корне изменилась. Вступление в войну Советского Союза усилило ее освободительный, антифашистский характер. В борьбе с фашистской агрессией складывалась могучая антигитлеровская коалиция. Теперь у Англии имеется верный и могучий союзник на Востоке, который принял на себя основной удар гитлеровской военной машины, а это во многом облегчает положение самой Англии. В сложившихся условиях Англия имеет все для того, чтобы переходить от оборонительной к наступательной стратегии, непрерывно наращивать силу своих ударов по гитлеровской Германии.

По мнению советских людей, это должно было бы выразиться прежде всего в открытии второго фронта в Европе. Высадка английских дивизий во Франции значительно ослабила бы наступательную мощь немецких армий на Востоке. Кроме того, сложившаяся обстановка, интересы борьбы с общим врагом настоятельно требовали более действенной и ощутимой помощи Англии своему сражающемуся союзнику боевыми самолетами, зенитными орудиями и другими военными материалами.

И тем не менее в июле 1941 года ни одна просьба о выделении зенитных орудий и крупнокалиберных пулеметов не была удовлетворена, причем англичане свой отказ мотивировали тем, что у них самих якобы не хватает этих видов оружия. Не предоставили они и самолетов. По всем другим пунктам советской заявки они либо тянули, либо шли навстречу с большим скрипом и ограничениями.

В правящих английских кругах все явственнее проявлялось стремление уклониться от военных поставок Советскому Союзу. Так, когда советская миссия решительно потребовала конкретных дел, министр авиации Синклер и начальник штаба военно-воздушных сил Портал открыто заявили, чтобы «Советы» не рассчитывали на предоставление им Англией значительного количества своих самолетов.

Какие только мотивы не выдвигались, чтобы увести вопрос из области практических решений в сторону бесконечных обсуждений и дискуссий! Один из главных аргументов английской стороны состоял в том, что производственные возможности Англии крайне ограничены и что военное производство едва-едва удовлетворяет потребности самой английской армии, разбросанной по многим районам земного шара. Поэтому, советовали нам англичане, надо обратиться к Соединенным Штатам Америки, которые могут дать больше боевой техники, в том числе и самолетов.

Спору нет, в этом аргументе содержался резон. Несмотря на то что Англия уже почти два года вела войну, ее военное производство к середине 1941 года не достигло уровня, какого требовала военная обстановка. Это вызывало беспокойство английской общественности. Так, газета «Манчестер гардиан» в отчете о заседании палаты общин писала: «Соглашаясь с тем, что военное производство развернуто в больших масштабах, ораторы, выступавшие вчера в палате общин, были далеки от положительной оценки нынешнего положения. Выпуск танков задерживается непрерывными изменениями конструкций; рабочие обескуражены тем, что им нечего делать, что им “платят за то, что они бьют баклуши”, неразбериха и недостаток четких

решений – вот некоторые из представленных обвинений. Выдвинуто требование – ввести пост министра производства и включить его в состав кабинета»¹⁸⁶.

Все это так. Пробелы в военном производстве, конечно, имелись. Но английское правительство должно было исходить из реальной обстановки и учитывать, что от исхода битвы на советско-германском фронте зависит и судьба самой Англии. Поэтому именно туда должны быть направлены усилия, в том числе посылкой оружия и других военных материалов. И правильно писала та же «Манчестер гардиан» о том, что русские «...ведут смертельную борьбу с врагом... им нужна немедленная помощь, а не красивые обещания. Всякая задержка может оказаться для них критической, и они считают, что в Англии имеет место опасная тенденция неправильной оценки создавшегося положения»¹⁸⁷.

Руководителями британской авиации настойчиво высказывалась мысль, что, прежде чем решать вопрос о выделении Советскому Союзу самолетов, представителям Англии и СССР необходимо изучить производственные возможности той и другой стороны. Лишь проделав эту предварительную работу, перейти затем к практическому решению вопросов по координации экономических возможностей союзных государств. Позднее, в частности на Московском совещании представителей трех держав в октябре 1941 года¹⁸⁸, это было сделано. Но в июле 1941 года, когда оголтелые немецко-фашистские полчища рвались к жизненным центрам Советской страны, требовались не теоретические подсчеты и дипломатические обсуждения, а неотложная, безотлагательная практическая помощь Красной армии.

Чтобы затормозить предоставление Советскому Союзу самолетов, англичане на полном серьезе выдвигали и такой довод. Допустим, говорили они, Англия предоставит СССР какое-то количество самолетов. В этом случае пришлось бы создавать специальное хозяйство для их обслуживания, а это из-за малого количества самолетов невыгодно для самих русских.

Правда, в результате настойчивости, проявленной советской стороной, британское правительство в конце июля 1941 года приняло решение передать СССР 200 самолетов-истребителей «Томагавк» из числа тех, что были получены англичанами от Соединенных Штатов. 140 из этих самолетов находились в Англии, 60 – в США. Мы настаивали, чтобы английское правительство передало в распоряжение Советского Союза 700 истребителей «Томагавк», находящихся в то время в Каире. Англичане на это не соглашались, ссылаясь на малочисленность своей авиации на Ближнем Востоке. Правда, министерство авиации Англии запланировало послать на Север во второй половине августа две эскадрильи «Харрикейнов», каждая по 18 самолетов, с задачей осуществления взаимодействия с советскими летчиками в районе Мурманска.

Июль и весь август 1941 года советская военная миссия в Лондоне, возглавляемая контр-адмиралом Н. М. Харламовым, продолжала настойчиво добиваться усиления ударов английской авиации по военным объектам Германии. Это было тем более необходимо, что масштабы английских бомбардировок фашистской Германии были незначительны. Так, в первой половине июля 1941 года за ночь вылетало в среднем не более 146 самолетов. Лишь 7 июля в налете на Германию участвовало до 300 английских бомбардировщиков. При этом нередко налеты английской авиации не достигали цели либо направлялись не на те объекты, которые требовалось уничтожить в первую очередь. В результате германские военные заводы, выпускавшие самолеты и танки, после этих налетов продолжали работать на полную мощь. Железнодорожные узлы, мосты и другие важные объекты сохранялись целыми и невредимыми – «зеленая

¹⁸⁶ Манчестер гардиан. 1941. 10 июля.

¹⁸⁷ 87 Манчестер гардиан. 1941. 5 сентября.

¹⁸⁸ 88 Здесь имеется в виду конференция представителей Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов Америки, которая состоялась в Москве 29 сентября – 1 октября 1941 г. На этой конференции обсуждались вопросы поставок в СССР вооружения, промышленного оборудования и продовольствия, а также встречных советских поставок сырья в США и Великобританию. (Примеч. сост.)

улица» немецким войскам и вооружению, потоком направляющимся на Восточный фронт, оставалась открытой.

Представители английских военно-воздушных сил, на словах соглашаясь с советской точкой зрения, обещали усилить бомбардировку военных объектов Германии. И тут же, стремясь уйти от вопроса об открытии второго фронта и усилении материальной помощи Советскому Союзу, представляли дело так, что, мол, в интересах самого же Советского Союза, чтобы англичане всю свою энергию сосредоточили на проведении налетов английской авиации на Германию. Это слишком откровенно походило на стремление любым путем уйти от оказания реальной помощи СССР в его жестокой и суровой борьбе против немецко-фашистских оккупантов.

15 июля я доложил советскому правительству о первых результатах работы миссии в Англии. Нам были поставлены дополнительные задачи в связи с предстоящим выездом военной миссии в Соединенные Штаты Америки. Помимо основных вопросов о материальных поставках и о помощи США Советскому Союзу в целом необходимо было выяснить отношение американского правительства к идее создания так называемого «Комитета трех», возможности и условия предоставления СССР займа-кредита, а также вопросы о транспортах и маршрутах доставки приобретаемых грузов и ряд других моментов¹⁸⁹.

17 июля меня принял И. В. Сталин. Во время беседы речь шла в первую очередь о вопросах военно-политического характера, а также о приобретении в США вооружения и стратегических материалов. Важное значение придавалось займу у США, надобность в котором могла возникнуть. Рассматривались проблемы доставки из США в Советский Союз заказанных материалов и вооружения. Было решено настаивать на выделении танкеров для перевозки авиационного бензина и морских транспортов – для всего остального. Надо было подумать и о способах переброски американских истребителей. Не исключался маршрут через Аляску и Алеутские острова.

¹⁸⁹ Данный Комитет, состоящий из представителей СССР, Великобритании и США, должен был координировать совместное использование ресурсов в ходе войны против держав Оси. (Примеч. сост.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.